

Ликвидатор. Терракотовое пламя

Автор:

Александр Пономарев

Ликвидатор. Терракотовое пламя

Александр Леонидович Пономарев

Апокалипсис-СТЛиквидатор #3

Зона не прощает обмана, подлости и предательства. Любого, кто нарушит неписанный кодекс братства сталкеров, рано или поздно ждёт возмездие. Сталкер Купрум свято верит в это правило и старается жить по суровым, но справедливым законам Зоны. Он соглашается помочь случайным попутчикам, даже не догадываясь, что полное опасностей путешествие – лишь малая часть платы за благородный поступок...

Александр Пономарев

Ликвидатор. Терракотовое пламя

© А. Пономарев, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Stalker» основана в 2013 году

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Пролог

Айс опустил бинокль, мельком глянул на экран ПДА. Электронный таймер показывал 5.35 утра. Солнце только-только поднялось над соседним лесочком. Мокрая от утренней росы луговина влажно дышала паром. Лёгкая дымка клубилась над сочной травой, оседая мельчайшими капельками на листьях кустарника, где группа Айса устроила засаду.

Пропитанная специальным составом плотная ткань комбинезона не пропускала внутрь холодную сырость, позволяя с комфортом лежать на пока ещё не прогретой земле. Айс в очередной раз мысленно поблагодарил неизвестных создателей спецкостюма «Борат» и снова припал к биноклю.

Через оптику казалось, что полуразрушенные дома относительно крупного посёлка находятся на расстоянии вытянутой руки. Айс чуть повернул голову, чтобы в поле зрения попало двухэтажное кирпичное здание. Когда-то в нём располагались администрация населённого пункта, сельский клуб и библиотека. О наличии последней говорили большие красные буквы над козырьком бетонного крыльца.

«Шестой, – подумал Айс, разглядывая в бинокль сутулую фигуру сушильщика. Мутант неторопливо ковылял к зданию бывшего культурного центра по идущему

через всё селение широкому шоссе. Судя по ленивой походке, выпирающему животу и красным от крови щупальцам, монстр возвращался с ночной охоты. – Сколько ж вас, тварей, там всего обосновалось?»

Вопрос был не праздный. Месяц назад четвёртое звено «чистильщиков» полностью полегло в районе автопарка из-за ошибки командира. Он неверно определил точное число монстров и вместе с ребятами отправился на зачистку ремонтной мастерской. (Там устроило себе гнездо большое семейство двуногих пиявок.) Двое самцов зашли с тыла, пока парни отстреливали самок с молодняком. Мечь мутантов была быстрой и жестокой: несколько секунд – и элитного отряда как не бывало.

Айс не хотел повторять судьбу той злополучной группы, а потому продолжал терпеливо выжидать. Рядом зашевелился Оглобля. Нескладный веснушчатый парень, самый молодой из их боевой ячейки, потянулся, громко шурша ветками. Айс тут же бросил наблюдение, повернулся к нему и прошептал, едва шевеля губами:

– Тихо ты!

Лысый сталкер с рыжей, как огонь, бородой и такого же цвета усами не был столь деликатен. Он сильно ткнул Оглоблю в бок локтем и показал волосатый кулак, чтобы салага и не вздумал ойкнуть. Похожий на гнома-переростка Троха с изуродованным химическими ожогами лицом просто закатил глаза, словно говоря: «Идиот!»

К счастью, сушильщик не обратил внимания на посторонние звуки – то ли его разморило от сытости, то ли просто не услышал. Он поравнялся с крыльцом, шагнул на разбитый бетон ступенек и, цокая когтями, скрылся в тёмном провале входа в здание.

Ещё через полчаса ожидания со стороны наступающего на посёлок осинника появился вожак стаи – матёрый сушильщик, ростом под два с полтиной, широкими плечами и руками-граблями. Айс прекрасно разглядел его в бинокль. У мутанта не хватало трети одного щупальца, под перепонкой ушного отверстия гноилась огромная рана, а на голове змеились старые шрамы. Округлые плечи, мощные бёдра, плоский живот и широкая грудь монстра были покрыты густой коричневой шерстью. Вожак шёл размашистыми шагами и, если бы не

болтающиеся в такт движениям щупальца, издали вполне мог сойти за снежного человека.

– Этот последний, – сказал Айс, убирая бинокль в карман разгрузки. – У сушильщиков строгая иерархия. Они чувствуют вожака на большом расстоянии и стараются вернуться в логово до него. Опоздавшие считаются изгнанными из стаи: попробуют сунуться – вожак сам их и убьёт.

– Откуда ты всё это знаешь, Айс? – Оглобля буквально пожирал командира восторженным взглядом.

– А он три года у яйцеголовых мальчигом на побегушках работал. Пойди и ты к ним, Оглобля, ещё не такое узнаешь, – хохотнул усатый.

– Хорош зубоскалить, Рыжий! – осадил Айс не в меру весёлого сталкера. – Не на дискотеку идём!

– Как знать, – флегматично заметил Троха. – Раньше там клуб был, танцы по выходным устраивали. Сегодня как раз воскресенье, может, и потанцевать придётся.

– Вот поэтому всем надо собраться, – строго сказал Айс, передёрнул затвор и сдвинул планку предохранителя на режим стрельбы очередями. – Троха, готовь «слеповухи». Подойдём к логову – бросишь пару штук.

Низкорослый сталкер кивнул, достал из подсумка гранаты. Слегка отогнул усики стопорного кольца, потом подвесил за чеку к поводкам разгрузки, чтобы сорвать в любой момент и пустить в дело.

– Ты, Рыжий, сразу после Трохи пальни в логово из подствольника, а там и я к вам присоединюсь.

– А мне что делать? – поинтересовался Оглобля.

– Сидеть в засаде, – опять хохотнул Рыжий, толкая заряд в ствол интегрированного с «грозой» гранатомёта. – Чтобы не продырявить кого ненароком.

Парень покосился на него и обиженно запыхтел, сжимая в руках потрёпанный временем «чейзер».

– Ты пойдёшь за мной, – сказал веснушчатому Айс. – Стрелять только по моей команде. Ясно? – Оглобля кивнул. – Выдвигаемся.

Сталкеры почти бесшумно выбрались из зарослей акации. Низко пригибаясь к земле, они длинными перебежками от куста к кусту добрались до шоссе. Серая лента транспортной артерии носила следы запустения и местами была покрыта глубокими выбоинами и трещинами. Стараясь не сильно стучать подошвами по асфальту, «чистильщики» пересекли дорогу, добрались до первого на их пути дома. Следуя вдоль кирпичной стены со следами штукатурки, группа свернула за угол.

С этой точки открывался отличный вид на детскую игровую площадку с покосившимся грибком в песочнице, густо оплетённой «мочалом» ракетой из труб и противно скрипящими на ветру качелями. Вокруг детского уголка кипели зеленью густые заросли малины и шиповника. Когда-то эти кустарники росли в палисадниках рядом стоящих домов. За годы запустения они значительно расширили свой ареал: сильные побеги разбили аккуратные дорожки, проросли сквозь асфальт и теперь постепенно поглощали территорию площадки.

Над цветущей зеленью с жужжанием роились насекомые, дурманяще пахло мёдом. «Чистильщики» обошли стороной заросли, пересекли рябиновую аллею и двинулись к глухой стене культурного центра посёлка.

Рыжий от ржавчины зигзаг лестницы поднимался к узкой двери на втором этаже здания. Длинные пряди коричневого «мочала» свисали с металлических ступеней и тихо перешёптывались на ветру. Они как будто просили «чистильщиков» остановиться, не ходить туда, где их ждала смерть.

Айс тряхнул головой, гоня прочь нежелательные мысли: думать перед делом о плохом – значит заранее обречь себя на неудачу. Командир замер, поднял сжатый кулак над головой, давая знак другим остановиться. Прижался к стене, осторожно выглянул за угол. Чисто! Сделал жест, означающий «за мной», удобнее перехватил автомат и двинулся вперёд, держа палец на спусковом крючке. За спиной раздавался тихий шорох шагов его команды. Сердце гулко стучало в груди, прищуренные глаза смотрели поверх прицела.

Чуть согнувшись и слегка наклоняясь вперёд, осторожно ступая на полусогнутых ногах, Айс добрался до первой ступеньки крыльца, наступил подошвой на бетонное крошево. Замер, ловя напряжённым до предела слухом каждый звук. Птицы весело заливались, радуясь солнышку, басовито жужжали шмели, визгливо поскрипывали качели. Пыхтел Оглобля, тихо посапывал Троха, Рыжий сосредоточенно покусывал ус. Но всё это было за спиной командира, впереди же разливалась мёртвая, холодная тишина.

Айс сделал шаг, другой, прошёл сквозь дверной проём и оказался в сумрачном фойе. Серые стены, серый потолок, серые обломки каких-то шкафов, столов и стульев. Сплошная беспросветная серость и запустение. В гардеробе железным лесом висели вешалки, алюминиевые бляхи жетонов висели на крючках, как шишки на ветках. Справа, метрах в двадцати, темнел вход в актовый зал. (Одна створка широкой двери валялась на полу, вторая косо повисла на одной петле.) Там когда-то давали концерты, а по выходным местная молодёжь собиралась на танцы. Слева, шагах в тридцати, виднелись настезь распахнутые стеклянные двери, правда, стёкол в них давно уже не было, а белая краска рам облезла и висела неопрятными лохмотьями. Над дверью темнела выцветшая табличка с едва различимыми буквами «и... ли... те».

Командир группы сверился с данными ПДА. Мутанты устроили логово где-то в библиотеке. Детектор жизненных форм обозначал его серым пятном в дальнем углу экрана. Пятно находилось практически по центру маленького квадрата, примыкающего с северо-востока к длинному прямоугольнику дома культуры.

Айс мысленно перенёсся за пределы здания. До того, как устроить засаду в кустах, отряд обогнул досуговый центр посёлка. Никаких пристроек со стороны библиотеки не было, значит, твари устроили гнездовье в подвале.

«Наверное, это старое бомбоубежище, – подумал командир, вспомнив найденный в одной из заброшенных школ плакат по гражданской обороне. На пыльной картонке с жёлтыми разводами от воды был нарисован ядерный гриб. От него в одну сторону отходили заштрихованные в разные цвета овалы, означающие факторы поражения. Ниже красочные рисунки доходчиво объясняли, как надо действовать при атомной бомбардировке. – Видать, серьёзно готовились к ядерной войне, раз учили детей выживать в таких условиях».

Айс ещё раз глянул на экран устройства. Треугольник из зелёных точек светился позади жёлтой звёздочки по центру электронной карты. Расстояние между ним и серым пятном не превышало двух сантиметров. В масштабе карты это означало, что путь отсюда до логова равен почти сотне метров. Половина предельного радиуса действия датчика жизненных форм.

Семь крупных особей – четыре самки и три самца – на карте должны были бы выглядеть как скопление серых точек в одном месте. Раз прибор обозначил логово бесформенным пятном, значит, сушильщиков в нём было гораздо больше. Выходит, группе Айса удалось найти один из так называемых инкубаторов.

Это была большая удача. Детёныши сушильщиков растут долго, на взросление уходит до десяти-двенадцати лет. Почти как у людей, что, в общем-то, немудрено, ведь щупальцемордых кровопийц создали, используя генетический материал человека. Уничтожить подобные ясли – значит нанести серьёзный урон популяции тварей.

Айс повернулся к бригаде:

– Внимание, парни, нам повезло найти инкубатор. Всем внимательно смотреть под ноги, сохраняем максимальную осторожность. Фонари без команды не включать: свет может разбудить тварей. Оглобля, занеси координаты логова в ПДА. – Айс дождался, когда тощий закончит тыкать пальцем в экран прибора. – А сейчас отправляйся в лагерь и жди нас там. Если с нами что-то случится, собирай подкрепление и веди парней доделать работу. Всё понял? – Тот кивнул с видимым недовольством. – Выполняй!

Тощий покрался прочь от дома культуры, что-то сердито бормоча вполголоса.

– Молодец, командир, – шепнул Рыжий, едва трое смельчаков двинулись к библиотеке. – Мал пацан ещё для серьёзной работы, начнёт со страху палить куда ни попадя. Как-то не хочется от него заряд дроби в спину схлопотать.

– А я думаю, зря ты так, Айс, – тихо сказал Троха, огибая вслед за товарищами сваленные в груду деревянные стулья. – Нам сейчас лишний ствол не помешает.

– Может быть, и так. – Айс резким кивком опустил на глаза инфравизор. – Только Рыжий прав: молод ещё пацан, необстрелянный, да и нам подстраховаться не

мешает. Кто знает, как всё сложится, а я не хочу упускать шанс отомстить за парней Кречета.

Троха пожал плечами и почти одновременно с Рыжим приготовил прибор ночного видения к использованию. Сушильщики часто во время атаки или опасности становились невидимыми, но в инфракрасном спектре эта уловка была бесполезна. Их жёлто-красные фигуры отчётливо просматривались на сером фоне окружающей местности.

Айс первым вошёл в библиотеку, посмотрел по сторонам. Краска на стенах давно облупилась. Её живописные лохмотья, наравне с портретами великих писателей, служили единственным украшением этого печального места. Здесь кто-то неплохо похозяйничал. Возможно, мародёры или те же сушильщики. Вся мебель была разгромлена, с потолка свисали разбитые в хлам светильники. На полу белели вырванные с мясом страницы, возле опрокинутых набок стеллажей темнели бесформенные груды книг.

Следуя указаниям ПДА, Айс повёл группу в дальний угол помещения. Там виднелась наполовину приоткрытая дверь. Возле неё старый линолеум был испещрен следами от острых когтей.

Айс заглянул в широкий проём между косяком и дверным полотном. Серая гребёнка бетонной лестницы круто уходила в холодную тьму подвала.

Командир звена «чистильщиков» шагнул на выщербленную ступеньку и начал медленно спускаться, внимательно глядя под ноги. Лестница была буквально завалена всяким хламом. На одной из ступенек крест-накрест лежали две доски. Сверху на них валялась игрушечная железная машина с однорукой пластмассовой куклой в кузове. Концы досок далеко выходили за края ступеньки, делая конструкцию опасной в плане обнаружения незваных гостей.

«Видать, тащили игрушки для детёнышей и потеряли, а нам теперь отдувайся», – подумал Айс, выбирая, куда бы поставить ногу.

К счастью, обошлось без проблем. Вскоре отряд оказался перед небольшим коридором, за которым начинался огромный подвал. Низкий потолок опирался на широкие квадратные колонны, сильно пахло сыростью и тленом, где-то мерно капала вода. Вдоль стен валялись сколоченные в ряды кресла (матерчатая

обивка порвана, из прорех торчат серые клочки ваты). То ли это и в самом деле было бомбоубежище и кресла предназначались для размещения тут населения посёлка в час икс, то ли сюда просто складировали старые сиденья из актового зала, когда завезли новые, бог знает в каком мохнатом году.

– Фу, ну и вонища! На свиноферме, небось, и то лучше пахнет, – недовольно пробормотал Рыжий, прикрывая нос рукавом.

– Дыши глубже, говорят, это для здоровья полезно, – усмехнулся Троха, никак не реагируя на царящий в логове удушающий запах.

– Тебе-то хорошо, сам ничего не чувствуешь, вот и веселишься, – буркнул лысый и, прикусив язык, покосился на товарища. Полгода назад Троху угораздило попасть в блуждающий «подкидыш». Аномалия выбросила его в заросли «жгучего пуха». Сталкеру сильно изуродовало химическими ожогами лицо (ладно хоть глаза не повредило) и выжгло слизистую носа. К счастью, Троха никак не отреагировал на оплошность Рыжего – то ли не расслышал, то ли просто предпочел пропустить мимо ушей.

Возле первой колонны Айс дал парням знак остановиться, крепче сжал в руках автомат и медленно двинулся вперёд. Взрослые сушильщики стоя спали почти по центру подвала. В поле зрения прибора они выглядели фиолетовыми статуями. Во время сна терморегуляция монстров сильно замедлялась, делая их практически невидимыми на фоне тёмных стен.

В дальнем углу подземелья располагались сами ясли – огороженный плетнем из веток просторный загон. За самодельным забором виднелось большое жёлто-красно-фиолетовое пятно. С такого расстояния было не разобрать, чем там заняты детёныши, но, судя по разности окраски, одни из них спали, как и их родители, а другие копошились в наваленном в кучу тряпье.

Удерживая голову вожака в прицеле, Айс отступил назад.

– Троха, гранаты! Рыжий, приготовься! – прошептал он. – Цель на одиннадцать часов за второй колонной. Сначала взрослые, молодежь потом.

Оба «чистильщика» тенью скользнули вперёд. Вскоре до Айса донеслись тихие щелчки – Троха вырвал стопорные кольца из гранат. Раздался глухой стук

упавших на пол толстых цилиндров. Несколько томительных секунд – и подвал с оглушительным грохотом озарился ослепительной вспышкой.

За мгновение до этого Айс предусмотрительно зажмурился, так что взрыв прошёл без последствий для зрения. Сквозь звон в ушах командир услышал громкий хлопок – это Рыжий шмальнул гранатой из подствольника – и выскочил из-за прикрытия колонны. Треск очереди его «калаша» слился воедино с отрывистым лаем оружия других бойцов. Эхо выстрелов заметалось в насыщенном миазмами и пахнущем пороховыми газами и сгоревшей взрывчаткой воздухе.

Мутанты даже не успели понять, что произошло. Гранаты Трохи оглушили и дезориентировали их, а выстрел Рыжего из подствольника «грозы» сразу вывел из игры вожака и ещё одного самца. (Старому сушильщику взрывом оторвало ногу и срезало пальцы на левой руке, молодому осколками разворотило живот.)

Пока Троха с Рыжим добивали подранков, Айс охотился на остальных кровопийц. Он расстрелял целый магазин по мечущимся в панике мутантам. Целился исключительно в головы, чтобы грохнуть тварей наверняка, поэтому часть бронебойных пуль ушла в «молоко», звонко скалывая куски бетона с колонн и с визгом рикошета от стен.

«Лучше потратить лишний патрон, чем неожиданно для себя превратиться в обескровленную мумию», – вспомнил Айс слова Деда. Первый учитель Айса был опытным охотником на мутантов и знал, что говорил. Сушильщики славились способностью «восставать из мёртвых». Они обладали способностью невероятно быстро восстанавливать повреждённые ткани, так что даже попадание в голову не всегда давало гарантированный результат.

Айс неукоснительно следовал советам Деда. Вот и в этот раз командир перезарядился, а потом, вместе с подоспевшими бойцами, прошёлся свинцовой плетью по неподвижным телам монстров.

Инфравизоры быстро высаживали батареи, поэтому «чистильщики» добивали тварей при свете прикреплённых к оружию тактических фонариков. Пули с влажным чавканьем рвали тела мутантов, а казалось, будто это белые кинжалы света вспарывают уродливую плоть.

Расстреляв четверть магазина, Айс дал сигнал прекратить огонь. Сталкеры подождали несколько секунд, не сводя глаз с мутантов.

– Вроде всё. – Рыжий опустил дымящийся ствол автомата. Луч света упёрся в залитый кровью сушильщиков пол, высвечивая заполненные бурой жидкостью ямки и впадинки.

– Угу, – кивнул Троха и пнул лежащее рядом тело. – Добили гадов.

– Рано расслабляться, парни, ещё не закончили.

Айс направился к огороженному плетнем загону, следом за ним туда же потопали его люди.

От грохота выстрелов детёныши проснулись и теперь, поскуливая, ползали по тряпью. Те из монстриков, что были постарше, пискляво рычали, трясая ручонками высокое ограждение. Три светлых клинка заметались по переплетённым веткам ивняка. В темноте загона вспыхивали и гасли красные огоньки глаз.

– Вот шелупонь какая! – Рыжий полез в подсумок за гранатой. – Патроны на вас ещё тратить. Ну-ка, парни, отошли, – сказал он, заряжая подствольник.

– погоди! – Айс повернул голову к загону, приставил ладонь к уху. – Ничего такого не слышите?

– Да вроде нет, – пожал плечами Рыжий. Троха помотал головой.

– Показалось, похоже. – Айс опустил руку, поудобнее перехватил автомат. – Отходим за колонны. Рыжий, шмальни разок. Подранков и уцелевших добьём ножами. Потом снимем трофеи со взрослых – и домой.

В этот момент из заваленного тряпками угла донёсся сдавленный детский плач.

– Значит, не слышалось. – Айс шагнул к загону, ударил по нему ногой. Ветки затрещали, но плетёная стена выдержала. Он саданул сильнее, но преграда опять устояла и сломалась, только когда к нему присоединились бойцы.

Маленькие мутантики посыпались на сталкеров со всех сторон, цепляясь коготками за плотную ткань штанов «чистильщиков». При этом одни детёныши громко пищали, как котята, а другие пытались рычать, но у них ничего не получалось. Рыжий и Троха принялись молча орудовать ножами.

Расшвыривая уродцев, Айс прошёл к сваленному в кучу тряпью, откуда доносился детский плач. Подсвечивая себе фонарём, командир разворошил тряпки ногой. В воняющей тухлой кислятиной куче сидел чумазый ребёнок лет примерно трёх-четырёх. Мальчик был безобразно худ и запущен: кости торчали под красной от сыпи кожей, а рыжие, как пламя костра, волосы шевелились от обилия в них вшей. Из всей одежды на ребёнке была лишь замызганная набедренная повязка и тряпица на лице. Разрезанная на несколько частей, она, судя по всему, имитировала щупальца мутантов.

– Как ты здесь оказался, малыш? – Айс опустил автомат, чтобы свет фонаря не слепил мальчика, присел перед ребёнком и протянул к нему руки. – Не бойся, всё хорошо, я тебе помогу.

Айс старался говорить мягко, чтобы ещё сильнее не напугать и без того перепуганного мальчишку. При звуке голоса взрослого мужчины ребёнок сперва замер, а когда Айс попытался взять его, зарычал, извернулся и крепко впился зубами в запястье сталкера.

– От, мля! – Айс отшвырнул паренька в угол, схватил автомат, посветил на место укуса. В расположенных полукругами ранках рубиновыми зёрнышками сверкали капельки крови. – Ах ты, гадёныш!

Айс навёл автомат на ребёнка. Дрожащее светлое пятно высветило фрагмент чёрной от плесени стены и жмущееся к нему тщедушное тельце. Несмотря на сильный испуг, мальчишка рычал и скалил зубы, явно не собираясь сдаваться. Палец на спусковом крючке дрогнул. Айс не смог заставить себя стрелять в малыша.

– Ты чего там застыл, командир, добить мутанта не можешь? – раздался за спиной Айса голос Рыжего. Тот уже справился со своей частью работы и теперь вытирал о рукав испачканный в крови детёнышей нож. (Троха в это время ещё коротко хыкал, добивая мутантский выводок.) Заметив, кого Айс держит на мушке, Рыжий смачно выругался и воскликнул: – Это чё, мля, ребёнок?!

– А то ты не видишь, – буркнул Айс.

– Чё делать собираешься, командир?

– Да вот не знаю. Пристрелить – рука не поднимается, оставить его здесь тоже не могу. Погибнет ведь ни за грош.

– И то верно. – Рыжий задумчиво поскрёб бороду. – Слышь, а давай вытащим мальчика отсюда, а там уж решим, куда его пристроить. Как вариант, можем кухарке из нашего лагеря отдать на воспитание. У неё детей нет, вот пусть и заботится о нём.

Айс глянул на Рыжего:

– Дело говоришь. Тогда ты займись пацаном: пристукни его, чтоб не кусался, тряпку почище найди, заверни в неё, а мы с Трохой за трофеями пойдём.

Глава 1

Фатальный эксперимент

Профессор Андрей Петрович Семакин откинулся на спинку кресла, помассировал затёкшую шею, глядя на часы. Стрелки показывали половину второго ночи. Отодвинув клавиатуру, профессор потёр красные от усталости глаза, громко зевнул и с удовольствием потянулся. Встал, хрустя суставами, сделал несколько энергичных махов руками, с полдюжины раз присел, разгоняя кровь.

– Вроде полегчало, – пробормотал он, прислушиваясь к своим ощущениям. – Сейчас выпью кофейку, вообще будет хорошо.

Андрей Петрович шагнул к журнальному столику в углу обширного рабочего кабинета, включил электрочайник.

Пока тот закипал, профессор не терял времени даром. То и дело поглядывая на светящийся голубым экран монитора, он, с карандашом в руках, перепроверял расчёты на клочке бумаги, пытаясь понять: не закралась ли в них ошибка. Семакин прекрасно отдавал себе отчёт, что этот шанс – единственный. Другого раза вернуть всё на круги своя у него больше не будет.

Чайник громко забурлил, пуская столбы пара из носика, щёлкнул кнопкой включения и заворчал, подмигивая красным глазком индикатора.

Андрей Петрович удовлетворённо кивнул: результат на бумаге совпадал с тем, что выдал несколько минут назад компьютер. Ученый аккуратно положил карандаш на стол и вернулся в чайный уголок. Там он бросил в кружку с танцующими на стенках пуделями два кусочка сахара из раскрытой коробки. На глазок сыпанул туда же из жестяной банки растворимого кофе, почти до краёв залил кипятком. Сев на обтянутый коричневым кожзаменителем квадратный пуф, придвинул парующую кружку к краю стола, едва не расплескав пахнущую пережжёнными кофейными зёрнами бурду. Постукивая ложечкой, размешал сахар, бормоча под нос что-то насчёт катастрофы, и принялся маленькими глотками потягивать пойло, не имеющее ничего общего с настоящим кофе.

Профессор нисколько не преувеличивал, считая катастрофой события, недавно произошедшие во Всероссийском исследовательском центре аномальной природы. Основатель и несменяемый директор ВИЦАП имел полное право так считать, поскольку из-за одного человека оказались на грани провала все его планы и мечты.

Семакин не любил размениваться по мелочам, а потому ставил перед собой глобальные задачи вроде этой: превратить всю планету в Зону и стать её полновластным хозяином. Правда, это была лишь промежуточная цель. В дальнейшем он планировал подмять под себя все миры, где существуют аномальные территории. (По его расчётам, таковых было целых семь штук.)

Впрочем, и это тоже не было его конечной целью. В семь лет Андрюша Семакин посмотрел сагу Джорджа Лукаса «Звёздные войны» и уже тогда понял, что хочет быть таким же сильным и могущественным, как император Дарт Сидиус. Возможно, детская мечта так бы и осталась всего лишь мечтой, если бы спустя тридцать три года тайный сотрудник ФСБ и по совместительству профессор физико-математических наук Андрей Петрович Семакин не оказался бы по вине Колдуна в вынужденном пятилетнем заточении в Зоне. (В тот раз сталкер

уничтожил пульт управления Монументом, оборвав связь между альтернативной реальностью, в которой находилась Зона, и миром, откуда пришёл он сам и профессор Семакин.)

Поиски выхода из сложившейся ситуации натолкнули ученого на расположенную в штольнях Ржавого леса аномалию-портал. «Чёрный тюльпан» соединял Зону с различными мирами, откуда на территорию отчуждения проникали монстры, по сравнению с которыми местные мутанты казались милыми зверушками. Играя на желании Колдуна отомстить за гибель своей жены, профессор отправил сталкера в штольни, где тот, пожертвовав собой, замкнул портал на родную реальность[1 - См. роман «Тёмный пульсар»].

По возвращении домой Семакин активно приступил к созданию всероссийского исследовательского центра аномальной природы. ВИЦАП нужен был ему как прикрытие во время длительного процесса по трансформации мира в Зону. Он планировал списывать на деятельность центра всякую аномальщину, которая неизбежно бы началась, пойдя события по запланированному пути.

Кроме того, в секретных лабораториях профессор надеялся вывести новых мутантов, обладающих поистине неограниченными возможностями, которыми он мог бы легко управлять на расстоянии одной лишь силой мысли или с помощью технических средств. Там же он собирался создать новые артефакты, способные не только останавливать кровотечение, уменьшать вес грузов или восстанавливать функции организма, но и менять физико-химические свойства любых предметов (тот же «философский камень», например), управлять пространством-временем или превращать человека в неуязвимого для пуль и вооружённого ядовитыми когтями и клыками монстра. Этаким вариантом карманного биологического оружия – на крайний случай, когда кончились боеприпасы, а стремления выжить и победить любой ценой хоть отбавляй.

Помимо работы над новыми видами мутантов и артефактами, Андрей Петрович продолжал дистанционно исследовать «чёрный тюльпан», надеясь в дальнейшем использовать его как плацдарм для вторжения в иные миры. К идее применить аномалию для воплощения давней мечты Семакина подтолкнул случай. В один из дней, когда ВИЦАП ещё только начинал работать, профессор засёк странные сигналы, что поступали из глубин аномалии-портала. Лишь спустя несколько дней Андрей Петрович понял, что эти сигналы не что иное, как биотоки мозга Колдуна.

Вопреки всем расчётам профессора, сталкер не погиб в аномалии, вонзив кристалл себе в грудь. (Семакин предполагал, что в момент почти ритуального самоубийства сознание Колдуна сольётся с энергетическим полем портала, замкнув его на одну-единственную реальность.) Длинное жало чёрного артефакта чудом не задело сердце сталкера. Так что теперь тот плавал внутри сферы, как в невесомости, находясь в своеобразном анабиозе.

То, что Колдун остался жив, давало неограниченные возможности – при условии, что Семакину удалось бы найти ключ к дремлющему сознанию сталкера. Управляя им, словно пультом, профессор мог бы использовать портал как дверь в любой из существующих во Вселенной миров. Конечно, с помощью одного лишь «тюльпана» невозможно было построить огромную империю, но Семакин не унывал. Проведённые им расчёты с вероятностью в девяносто девять и восемь десятых процента указывали, что в тех самых шести реальностях, в которых тоже была Зона, находились подобные аномалии-порталы. Используя отработанную на Колдуне методику, их так же можно было сделать управляемыми и применять для массированного вторжения полчищ мутантов в иные миры.

Как только на горизонте замаячила возможность перевести мечту детства из разряда эфемерных фантазий во вполне реальные дела, Семакин взялся за работу засучив рукава. Его не волновала судьба человечества. Он считал, что если большая часть населения Земли не сможет встроиться в законы изменённой реальности, то она попросту должна исчезнуть с лица планеты, дать дорогу тем, для кого глобальная Зона будет единственно возможным для существования местом. И не важно, останутся ли они в итоге людьми или станут мутантами.

Спустя три года после открытия центра начались серьёзные проблемы: к Семакину зачастили комиссии из представителей ГРУ, ФСБ и министерства обороны. Все они хотели знать, как идут дела и когда Андрей Петрович выполнит данное президенту обещание. Профессор, в обмен на неограниченное финансирование разработок, имел неосторожность пообещать первому лицу государства наладить бесперебойную поставку в особые подразделения армии и спецслужб боевых монстров и уникальных артефактов, способных образовать в любом месте локальные короткоживущие деструктивы (этакий вариант аномальных гранат). Президент согласился, поскольку обладание не имеющим аналогов в мире оружием позволяло не только надолго сохранить существующий паритет, но и серьёзно упрочить позиции России как

крупнейшего геополитического игрока, и подписал соответствующий указ.

До сих пор Семакину удавалось скрывать свои провалы и водить инспекторов за нос. Он демонстрировал высоким комиссиям заставленные контейнерами с артефактами полки спецхранилищ, приглашал в виварий, где в клетках бесновались мутанты, выдавая завезённые из Зоны экземпляры за продукцию центра.

Одновременно с дешёвыми представлениями, устроенными, чтобы пустить пыль в глаза проверяющим, профессор пытался понять, что в его расчётах было не так. Многочисленные опыты над завезёнными извне живыми и неживыми порождениями Зоны помогли ему понять, почему первые быстро слабели и чахли, как лишённые воды растения, а вторые теряли большую часть уникальных свойств, со временем превращаясь в обыкновенные камни. Всему виной было отсутствие аномального излучения.

Поскольку расставаться со своей мечтой Андрей Петрович не собирался, он начал экспериментировать. Сначала с артефактами и мутантами, а когда понял, что этот путь тупиковый, провёл несколько жестоких экспериментов, используя в качестве подопытных привезённых из Подмосковья бомжей, справедливо полагая, что их никто и никогда искать не будет. Но и здесь профессор потерпел фиаско. Ни вживление артефактов, ни опыты по пересадке мутагенных органов и тканей ни к чему не привели. Разве что в разы увеличили армию нежизнеспособных уродов.

Вывод напрашивался сам собой: Колдун – единственный человек, способный помочь профессору добиться цели. К несчастью, уравнения математической модели процесса объединения обеих реальностей в одну чётко указывали, что парящий внутри деструктива сталкер способен лишь обеспечить бесперебойный переход между мирами, но не в состоянии послужить помпой для накачки ноосферы Земли аномальной энергией из параллельной реальности.

Мысль использовать в качестве передаточного звена малолетнего сына Колдуна пришла в голову Семакина спонтанно. Вернее, Максим сам натолкнул профессора на эту идею, когда чуть больше месяца назад показал ему свои рисунки. Плотные страницы, вырванные из альбома для рисования, были сплошь заполнены унылыми пейзажами Зоны и уродливыми мутантами.

Потрясённый качеством и точностью исполнения (ну не может так рисовать трёхлетний ребёнок!), Андрей Петрович медленно перекладывал карандашные работы из одной стопки в другую. Больше всего его поразил рисунок пещеры, где внутри большой сферы плавала тёмная фигурка человека. Мало того что малец изобразил то, чего не мог видеть по определению (в Зоне он был в утробе матери), так он ещё и нарисовал своего отца, причём в том состоянии, в каком тот сейчас пребывал в другом мире.

Потягивая мелкими глотками горький кофе, Семакин мысленно вернулся в тот поистине эпохальный день. Вот он стоит у стола мальчишки, разглядывая рисунок – чёрного человечка внутри белёсого шара. От краёв оболочки к телу тянутся нити извилистых молний, они образуют вокруг фигурки своеобразный кокон. Сфера находится по центру огромной пещеры. Малыш, как смог, передал это, нарисовав свисающие с потолка наросты и обозначив штрихами и ломаными линиями стены подземелья.

– Это кто, Максим? – с чуть слышным жужжанием сервоприводов Семакин искусственным пальцем левой руки дотрагивается до лежащего с краю стола рисунка.

Мальчик отвечает не сразу. Сосредоточенно сопя и высунув кончик языка, он быстро водит карандашом по бумаге. Штрихи ложатся один за другим, прорисовывая щупальца сушильщика, бредущего по берегу заросшего тростником озера. Наконец, не отрываясь от рисования, ребёнок пожимает плечами:

– Не знаю. Я увидел его во сне, как и всё, что здесь нарисовано. Мои сны очень яркие, я вижу их каждую ночь, а иногда, особенно после кошмаров, я даже боюсь засыпать. Вам нравятся мои рисунки, дядя Андрей?

– Очень. Ты хорошо рисуешь, Максим. А насчёт кошмаров... я постараюсь тебе помочь.

Вечером того же дня профессор приступил к работе. Спустя неделю прибор по перекачке аномальной энергии из Зоны в родную реальность был собран и готов к эксплуатации. Он представлял собой кресло с прикрепленной к спинке толстой металлической пластиной, к которой на шарнирах крепился колпак вроде тех, что используются в парикмахерских для сушки волос. От колпака к длинной

батареи соединённых между собой медными трубками резервуаров, очень похожих формой и размерами на промышленные газовые баллоны, отходил толстый жгут из проводов в металлической обмотке.

По задумке профессора, полученную Максимом энергию Зоны следовало накопить в этих аккумуляторах и развезти по заранее определённым очагам заражения Москвы, Питера и других крупных городов России, чтобы потом разом выпустить на волю дремлющих до поры до времени джиннов.

Но просто так взять и разрядить аккумуляторы было бы бессмысленной тратой ценного ресурса: Земля, как и любой живой организм, обладала отличной резистентностью к чужеродному воздействию. Чтобы превратить родную реальность в Зону, Семакину требовался мощный ретранслятор, способный напитать ноосферу аномальной энергией.

Для этой миссии в Москве идеально подходила Останкинская башня, а в Петербурге телевышка на Аптекарском полуострове. Их шпили вполне могли сыграть роль острой иглы шприца, через которую в ноосферу можно было вкачать сколько угодно добытой Максимом субстанции. В назначенный час подкупленные сотрудники охраны должны были обеспечить беспрепятственную доставку внутрь объектов заполненных под завязку «баллонов», а перед этим предоставить профессору и его людям доступ в технические помещения сооружений для установки там необходимого оборудования. Дело оставалось за малым: добыть нужное количество аномальной энергии.

Понимая, что нельзя рисковать Максимом, Семакин сделал копию с его психоматрицы и распорядился выкрасть дюжину детей от пяти до двенадцати лет: поровну мальчиков и девочек. Профессор не случайно поставил такие возрастные рамки. Ребёнок младше пяти лет вряд ли смог бы перенести уготованные ему испытания, а у детей переходного возраста чистоту эксперимента могли нарушить изменения психики, связанные с гормональной перестройкой организма.

Подручные профессора быстро выполнили поставленную перед ними задачу. Вскоре в маленьких комнатах, больше похожих на одиночные камеры тюрьмы строгого режима, испуганно жались к бетонным стенам украденные из глухих деревень детишки. Малолетние пленники плакали и громко кричали, призывая мам спасти их. Уже на следующий день крики и вопли прекратились: профессор распорядился утихомирить подопытных, путив в камеры сонный газ. Пока дети

спали, им стёрли сознание, а на освободившееся место записали психологический образ Максима, превратив тем самым в его эмоциональные клоны.

Первые опыты показали, что Семакин был прав относительно пересадки психоматрицы Максима похищенным детям. Именно сознание зачатого в Зоне ребёнка обеспечивало непрерывную связь с пребывающим в своеобразном анабиозе отцом, а тот, в свою очередь, каким-то непостижимым образом осуществлял перекачку так нужного профессору ресурса. Андрей Петрович предполагал, что передача аномальной субстанции происходила между реальностями по принципу сообщающихся сосудов, но, поскольку лишнего времени проверить гипотезу у него не было, он решил оставить теоретические разработки до лучших времён и сосредоточился на решении насущных проблем.

Те, как водится, не замедлили появиться практически с первых дней глобального эксперимента. Например, выяснилось, что эффективность суррогатов невелика: за один сеанс каждый из них мог заполнить «баллон» не более чем на треть, тогда как Максим за раз заряжал с десятков таких аккумуляторов. Правда, после подобных нагрузок неокрепший организм малыша минимум неделю терзала жестокая лихорадка, так что к услугам мальчика Семакин прибегал только в случае крайней необходимости.

Кроме того, у психоэмоциональных клонов Максима имелась ещё одна неприятная особенность: помимо низкой эффективности, наложенная на полустёртое сознание детей чужая психоматрица практически полностью выгорала после нескольких сеансов связи с альтернативной реальностью. Конечно, маленьких пленников можно было использовать один раз, до полного стирания подсаженного образа, а потом отправлять в Зону с помощью транскриббера или же пускать на корм завезённым оттуда мутантам, но тогда бы возникла проблема с поиском новых дублёров.

Массовая пропажа детей в разных регионах страны однозначно привлекла бы внимание правоохранителей. Рано или поздно кто-нибудь из дотошных полицейских или фээсбэшников всё равно бы докопался до истины, а Семакин вовсе не горел желанием раньше времени раскрывать кому бы то ни было, чем он реально занимался в ВИЦАПе. Он хотел, чтобы работа увенчалась успехом и в один прекрасный день на лике его Земли появилась первая раковая опухоль Зоны.

Как бывало не раз, в сложных ситуациях профессор прибегнул к помощи математики. Трудоёмкие расчёты указывали на возможность неоднократной перезаписи психоматрицы Максима поверх сознания реципиентов, но для этого требовалось, чтобы подопытные снова стали самими собой. Для ускорения процесса восстановления личности дублёров Семакин распорядился сделать на руках детей татуировки. Эта простая хитрость действительно позволяла несчастным быстрее вспомнить, кто они такие на самом деле, и подготовиться к новому витку жестоких испытаний. Кроме того, татушки упрощали процесс идентификации жертв науки персоналом центра. (Получив информацию на коммуникатор, что сегодня, к примеру, качает энергию Сергей, дежурный отправлялся к камерам юных пленников и брал мальчика с таким именем на запястье.)

Подобную татуировку Семакин распорядился сделать и для Максима. В этом не было особой необходимости, ведь мальчику после опытов не требовалось вспоминать, кто он такой, как его собратьям по несчастью. Просто в один из тех редких дней, когда профессор позволял ребятам поиграть вместе (ещё одна хитрость для ускоренного восстановления «выгоревших» дублёров), Максим заметил у них на руках татуировки. На вопрос, зачем они, Андрей Петрович ответил: «Для красоты». «Хочу такую же!» – категорическим тоном потребовал малыш. Семакин поначалу отказал ему, но потом передумал и распорядился набить мальчугану татуировку. Правда, перед этим велел усыпить паренька, чтобы тот не кричал и не дёргался, мешая мастеру делать свою работу.

Процесс заполнения аккумуляторов субстанцией Зоны шёл своим чередом. Уже была собрана треть нужного количества аномальной энергии для трансформации ноосферы Земли, когда произошло непредвиденное: Максим исчез из лабораторного кресла во время очередного сеанса. Находящийся в гипнотическом сне мальчишка страшно закричал, словно увидел ночные кошмары, и как будто растворился в воздухе.

Сперва профессора охватила паника, ведь все его планы оказались на волоске от краха, но потом он успокоился и взял себя в руки. Отслеживающие состояние мальчика приборы показывали, что с ним всё в порядке. Вшитый под кожу ребёнка маячок передавал сигнал, по которому его можно было найти и вернуть в исследовательский центр. Только вот в этом и крылся корень проблемы: мальчуган не просто исчез из лаборатории, он каким-то непонятным для профессора образом переместился в Зону.

Семакин не стал попусту тратить время и в тот же день распорядился направить в параллельную реальность поисковые отряды. Всё складывалось как нельзя лучше, пока профессору не сообщили о новой проблеме: вживлённый мальчику маячок перестал передавать сигнал.

Пытаться найти ребёнка, не имея представления о его местонахождении, – всё равно что искать иголку в стоге сена. Несмотря на это, профессор не терял надежду и требовал бросить все имеющиеся в распоряжении силы на поиски Максима. Дни шли за днями, самый дефицитный ресурс – время – таял на глазах, а результата всё не было. Направленные в Зону поисковые отряды возвращались ни с чем.

Факты – упрямая вещь. Как бы иной раз ни хотелось надеяться на лучшее, они своей негибкой логикой заставляют принять очевидное и не питать ложных надежд. Правда, иногда чудеса в жизни всё же случаются. Когда Семакин окончательно убедил себя в гибели мальчика, произошло непредвиденное: приборы зафиксировали альфа-ритмы, практически полностью идентичные тем, что излучал мозг Колдуна.

Поначалу Андрей Петрович решил, что его лаборанты что-то напутали и приняли желаемое за действительное, но, неоднократно перепроверив новые сведения, убедился в правоте своих помощников. Радость от приятного известия длилась недолго: сигнал вскоре пропал и больше ни разу не был зафиксирован приборами.

Профессор решил отправить в Зону ещё одну поисковую экспедицию, только на этот раз в её состав обязательно должна была войти мать мальчика. Семакин справедливо решил, что раз наука уже не в силах помочь ему найти Максима, остаётся надеяться на антинаучные материи, такие как сердце матери и её интуиция.

Естественно, отправить Настю в Зону абы с кем было бы полным безрассудством. Для столь ответственного задания требовались не раз проверенные в серьёзных делах люди, такие как майор Слизниченко. Тот идеально подходил для этой операции. Во-первых, он неоднократно бывал в альтернативной реальности, а значит, имел необходимый опыт выживания в кишках опасностями землях. А во-вторых, он часто выполнял для Семакина особые задания бесплатно или за чисто символическую плату и всегда делал это безукоризненно.

Дело тут было не в лояльности майора к ученому или его необычайной преданности. Профессор считал, что полагаться лишь на верность сотрудников нельзя: они предадут сразу, как только почувствуют слабость руководителя; только страх способен держать их в железной узде подчинения, заставляя выполнять подчас невозможные задания; люди больше всего боятся своих скелетов в шкафу, а раз так, надо всего лишь узнать их самые страшные тайны, и тогда они сделают всё, лишь бы эти секреты не стали достоянием общественности.

Следуя этому правилу, Семакин потратил немало сил и средств на то, чтобы собрать досье на каждого сотрудника. Зато теперь он мог манипулировать любым человеком из своего окружения, как ему заблагорассудится.

Допив кофе, профессор позвонил Слизниченко и попросил того немедленно явиться к нему в кабинет. Несмотря на звонок в столь ранний час, Алексей Игоревич не возмутился и менее чем через тридцать минут был на месте.

Семакин вкратце рассказал майору, что от того требуется, достал из ящика стола картонную папку с документами и положил на стол перед гостем:

– Здесь досье на мальчишку и его мать, а также подробный план операции.

Майор наклонился вперёд, взял со стола папку, открыл её и тотчас прокомментировал фотографию молодой зеленоглазой женщины с ниспадающими на плечи огненно-рыжими локонами:

– Красивая.

Семакин пригрозил собеседнику пальцем, намекая на случай с двоюродной племянницей четвёртого зама мэра столицы.

Года три назад Алексей хорошо погулял с приятелями, отмечая назначение на новую должность одного из них. Они прилично выпили дома у виновника торжества и отправились во все тяжкие по клубам столицы. Познакомились с желающими покутить за чужой счёт девицами, напоили их. Подружкам Марины – так, кажется, звали ту девицу – хватило ума вовремя смыться с вечеринки, а той, видишь ли, захотелось продолжения банкета, вот она – дура! – и отработала сполна потраченные на красавиц деньги. Целый год, пока длились поиски

насильников, майор сидел как на иголках (он хоть и не принимал непосредственного участия в преступлении, но вполне мог сесть за пособничество). Когда шум поутих и Алексей смог перевести дух, Семакин вызвал его к себе. Выложил на стол фотографии сильно избитой девушки, показал видеозапись, где она по снимкам опознаёт обидчиков и всех, кто был с ними в тот день, а на десерт сообщил, что это копии материалов. Оригиналы хранятся у проверенных людей, и, если с ним что-то случится, немедленно попадут в руки всем заинтересованным в этом деле лицам. С тех пор майор был на крючке у профессора и стал фактически его рабом.

В глазах Слизниченко сверкнули ненависть и плохо скрытая злоба. В следующую секунду он взял себя в руки, утешаясь мыслью о неизбежной мести профессору.

– Операция начнётся через трое суток, раньше я не успею завершить приготовления, – продолжал Семакин. – Бери людей, сколько считаешь нужным. В количестве оружия, оборудования и боеприпасов не ограничиваю, но, желательно, обойтись без фанатизма. И вот ещё что. Распорядись усилить охрану центра, и неплохо бы установить постоянное наблюдение за объектом. Она хоть и под транквилизаторами, но от неё всего можно ожидать.

Глава 2

Побег

Настя безвольно лежала в кровати, не реагируя на прикосновения холодных рук медсестры. Рыжие волосы рассыпались по примятой подушке, подёрнутые поволокой зелёные глаза вяло смотрели в одну точку, из приоткрытого рта по щеке стекала тонкая ниточка слюны.

Следуя инструкции, сотрудница исследовательского центра ещё раз проверила надёжность фиксации широких кожаных ремней на руках и ногах пациентки, потом потянулась к тумбочке в изголовье кровати. Подвинув ванночку с использованным шприцем, взяла с подноса упаковку бумажных платков, вытащила один сквозь овальную прорезь полиэтиленовой оболочки и вытерла губы и щеку девушки. Скомкав промокшую салфетку, медсестра бросила её рядом со шприцем, подхватила поднос и, громко цокая каблуками по серым

квадратам кафельного пола, вышла за дверь.

Настя терпеливо ждала, когда в коридоре затихнут шаги, потом ещё несколько минут неподвижно лежала в кровати, слушая, как стучит в висках кровь, и чувствуя, как сердце разносит транквилизатор по венам. В этот раз ощущения были несколько иными. Обычно препарат действовал быстро, превращая её в подобие овоща, а сейчас она всё ещё сохраняла ясность ума. Возможно, это было связано с привыканием организма к медикаментам, но Насте хотелось думать, что это её воля и разум взяли верх над химией.

Вот уже четыре года девушка находилась в плену у профессора Семакина. По-другому она не могла это назвать. Почти сразу по возвращении из Зоны тот создал исследовательский центр и приступил к работе. Что конкретно пытался сделать в этом центре Семакин, Настя не знала. Ей хватало и того, что бывший знакомый её пропавшего в Зоне мужа ставил над ней эксперименты и проводил всевозможные опыты с тех пор, как она родила.

Наверное, он экспериментировал и над её ребёнком. Настя не могла сказать об этом со стопроцентной уверенностью, но в глубине души не сомневалась, что профессор не упустит такой шанс. Ребёнок Насти и Колдуна был исключительным хотя бы потому, что его зачали в Зоне. Может быть, он, как и его отец, обладал особыми возможностями (Колдун при жизни стал легендой из-за способностей без оружия отгонять мутантов и безошибочно находить дорогу даже там, где аномалии чуть ли не громоздились друг на друга.) Настя об этом досконально не знала, ведь сразу после родов Семакин отобрал у неё ребёнка и лишь изредка давал ей посмотреть снятые на телефон видеоролики с её сыном.

Желание вырваться на волю, забрать Максима и бежать куда глаза глядят, лишь бы оказаться подальше от проклятого центра, появилось у Насти практически сразу, как Семакин лишил её дитя. Всё это время она внушала себе, что разум сильнее тела, что она может контролировать себя даже будучи под воздействием препаратов, но всякий раз после укола ею овладевала апатия, и девушка проваливалась в сладкую, беззаботную дрему. А утром всё начиналось сначала.

Так продолжалось до тех пор, пока она не узнала, что во время очередного безумного эксперимента Семакина её малыш буквально растворился в воздухе. С тех пор Настя сильно изменилась, хотя внешне это никак не проявлялось. Её организм словно адаптировался к химии, которой её пичкали каждый день.

Теперь она уже не впадала в беспамятство всякий раз после укола, а сохраняла относительную ясность мысли. Вот и сегодня девушка всего лишь имитировала давно известные ей симптомы: пустила слюну из приоткрытого рта и слегка закатила глаза.

Убедившись, что в коридоре никого больше нет, Настя выплюнула спрятанную под языком «невидимку». Она подобрала заколку со стола в кабинете-лаборатории («невидимка» случайно соскочила с волос медсестры, когда та хлопотала возле пациентки, одевая её после очередного изматывающего сознания и волю эксперимента), незаметно сунула в рот и держала её там, выжидая удобный случай. Сейчас этот момент наступил.

Влажная от слюны заколка шлепнулась на грудь. (На белой футболке мгновенно образовалось тёмное пятнышко.) Настя осторожно заёрзала, пытаясь сбросить заколку так, чтобы она упала рядом с пальцами правой руки. Прикреплённые к днищу кровати широкие ленты из капроновых нитей проходили сквозь прорези в кожаных манжетах и с помощью примитивного замка застёгивались на животе девушки. Манжеты из сыромятной кожи хоть и не давали Насте высвободить руки, но и не могли плотно обхватить её узкие запястья, сохраняя некоторую свободу движения. Этим она и собиралась воспользоваться.

Пальцы нащупали заколку. Пленница резко дёрнула рукой, потом ещё раз и ещё, сдвигая кожаный манжет по капроновой ленте. Видимо, усыплённая вялой покорностью пациентки медсестра не стала затягивать, как она это обычно делала, фиксирующие ремни. Вскоре Настя уже ковырялась отмычкой в замке.

В тот момент, когда внутри запорного механизма раздался щелчок, в коридоре снова послышались шаги. Они приближались. За матовым стеклом двери в палату появилась тёмная фигура. Зажав «невидимку» в кулаке, Настя расслабленно замерла, словно до сих пор пребывала в медикаментозной прострации.

Дверь со скрипом отворилась. На пороге появился темноволосый медбрат в белой рубашке с коротким рукавом, такого же цвета брюках и кроссовках. Настя не раз видела его в коридорах центра, когда её на кресле-каталке везли в палату после экспериментов или в те редкие дни отдыха, когда её не пичкали препаратами и разрешали выйти из палаты в сопровождении двух дюжих охранников.

– Ну, здравствуй, милашка, – в глазах парня появился похотливый блеск. – Я соскучился по тебе. Поиграем?

Медбрат торопливо забегал пальцами по пуговицам рубашки. Вскоре он сбросил её с себя на пол, расстегнул брючный ремень. Сухо щёлкнул кнопкой на поясе брюк, вжикнул молнией ширинки. Пожирая Настю глазами, он приблизился к её кровати, наклонился над ногами девушки, расстёгивая фиксирующий путы замок.

Настя терпеливо ждала, стараясь дышать размеренно, чтобы не вызвать подозрений. Правда, её сердце отчаянно колотилось, а кровь так громко стучала в висках, что ей казалось, насильник обязательно услышит этот стук и поднимет тревогу, предварительно приведя себя в порядок. К счастью, ослеплённый желанием сластолюбец ничего не заметил.

Когда ремни с ног девушки были сняты, он взялся за пояс её штанов, медленно потянул вниз, оголяя резинку трусиков. Насте стоило огромных усилий, чтобы не напрячься и тем самым не выдать себя. Она держалась из последних сил, мысленно внушая себе, что пока всё в рамках допустимого и ничего опасного с ней не происходит. Настя решила дожидаться, когда насильник захочет освободить её руки, и тогда уже нанести ему удар.

В том, что извращенец так и сделает, она не сомневалась. Стоило парню появиться в дверях, память извлекла из задворков неприятные фрагменты прошлых его визитов. Похотливый сопляк всегда развязывал ей руки, прежде чем заняться грязными делами.

В этот раз всё тоже пошло по старому сценарию. Медбрат стянул штаны с жертвы до середины бедра, оставил их в покое и взобрался на кровать. Теперь он стоял на коленях, нависая над неподвижно лежащей девушкой. Его руки потянулись к замку на её груди. Глаза подонка недоуменно округлились, когда он понял, что замок уже расстёгнут. В этот момент Настя сильно лягнула извращенца в пах.

Парень захрипел, закатив глаза к потолку, повалился на неожиданно резвую жертву. Девушка ещё раз добавила ему коленом по причинному месту, резко дернула руками в стороны, высвобождая прочный ремень из фиксатора замка. В два счёта скинула с запястий кожаные манжеты и, поднапрягшись, сбросила

медбрата на пол.

Подлец сгромыхал с кровати, словно мешок с костями. Настя на мгновение замерла, прислушиваясь. В коридоре стояла мёртвая тишина. Никто не спешил к её палате, и это было хорошо. Она легко соскочила на пол, предварительно подтянув пижамные штаны, склонилась над прыщавым брюнетом.левой рукой ухватилась за пряжку его ремня, а правую занесла над лицом ушлёпка, словно собираясь ударить.

- Охрана! - хрипло засипел насильник.

- Заткнись, гадёныш, пока я тебе глаз не выколола, - прошипела Настя. Острый кончик заколки выскользнул из её кулачка и замер в сантиметре от рыбьего глаза медработника. Прыщавый громко сглотнул и медленно боднул себя подбородком в грудь: мол, он всё понял и будет паинькой.

Продолжая держать «невидимку» наготове, Настя намотала ремень на кулак, резко выдернула его из шлёвок. Чуть позже она связала парню руки за спиной, предварительно снова лягнув по хозяйству, чтобы тот был более сговорчивым, потом подобрала с пола его рубашку, обмотала вокруг головы подонка, завязала рукава узлом, а концы запихала в рот вместо кляпа. Напоследок Настя привязала мерзавца к кровати капроновым ремнём, что ранее удерживал её руки в неподвижном состоянии. Проверила узлы на прочность и бесшумно выскользнула за дверь.

Коридор пустовал. Матовые квадраты потолочных светильников изливали приглушённый свет на выкрашенные в песчаный цвет стены с рядами однотипных дверей по обеим сторонам. Здание центра было сильно вытянуто в длину. Метрах в пятидесяти от палаты Насти открывался проход на лестничную клетку. Сквозь распахнутые двери виднелась наклонная плита ведущего вверх марша и бетонная гребёнка лестницы на нижний этаж.

Скользя босыми ногами по холодному кафелю пола, Настя бросилась к выходу с яруса, попутно дёргая каждую дверь за ручку. Когда до лестничной площадки оставалось чуть больше десяти метров, одна из дверей подалась под напором девушки. Беглянка осторожно заглянула внутрь. В лаборатории никого не было. Настя окинула взглядом маленькое помещение с офисным креслом перед компьютерным столом и выходящим на внутренний двор окном. За стеклом

виднелся угол облицованного красно-жёлтыми фасадными панелями соседнего здания и газон с аккуратно подстриженными кустарниками. По траве важно вышагивали голуби, что-то выискивая среди зелёных стеблей, и суетливо перелетали с места на место воробьи.

Настя проскользнула в кабинет, тихо прикрыла за собой дверь и бросилась к столу. Компьютер работал в режиме ожидания (по затемнённом экрану плавали рыбки, снизу-вверх бежали пузырьки воздуха). Сначала она хотела войти в систему, чтобы раздобыть хоть какие-то сведения о своём сыне, но, после недолгого раздумья, отказалась от этой идеи. Наверняка вход был защищён паролем, а она не настолько сильна в компьютерах, чтобы за считанные секунды взломать защиту. К тому же Семакин вряд ли оставил возможность любому желающему войти в базу данных ВИЦАП. Скорее всего, о любом несанкционированном доступе сразу стало бы известно службе охраны, и через пару-тройку минут сюда нагрянули бы амбалы в чёрной форме с дубинками и пистолетами в руках.

Верхний ящик стола оказался чуть-чуть приоткрыт. Настя дёрнула за ручку и чуть не вскрикнула от радости: внутри лежал наладонник, как две капли воды похожий на те, что использовали сталкеры в Зоне (когда-то и у неё был такой). Помимо него в ящике нашлась продолговатая чёрная коробочка, внешне похожая на пульт от телевизора. Настя уже видела подобную штуквину. Как-то Семакин приходил с ней в палату, хвастаясь перед пленницей своим изобретением.

– С помощью транскриббера любой может уйти в Зону и вернуться обратно, если знает координаты мест перехода, – сказал он тогда, держа в руках точно такое же устройство.

Настя схватила трофеи, задвинула ящик на место и уже хотела уходить, как вдруг её взгляд упал на дверь шкафа-купе. На всякий случай она решила проверить, что там хранится. На её счастье, кабинет принадлежал молодой женщине такой же комплекции и роста. Настя поняла это по висящему на плечиках приталенному пальто с вышитыми цветами на тёмном фоне и приставленным к стенке шкафа чёрным сапогам на шпильке.

– Видимо, есть бог на белом свете, – пробормотала девушка и, закусив нижнюю губу, сорвала с плечиков одежду.

Настя переделалась буквально за полминуты. Правда, пришлось закатать пижамные штаны до середины бедра, превратив их в этикие панталоны, поскольку те нарушали гармонию её нового наряда: края пальто не доставали до колена, равно как и сапоги. Но на этом подарки судьбы не закончились. Похоже, та решила наградить девушку за долгие годы мучений и дала ей в руки кошелёк с парой тысяч мелкими купюрами и картой доступа в исследовательский центр. (Бывшая хозяйка оставила его в сумочке, что лежала на верхней полке рядом с аккуратно сложенным шёлковым шейным платком.)

Окрылённая подобным стечением обстоятельств, Настя рассовала гаджеты по карманам пальто, сунула туда же деньги с пропуском и вышла из кабинета. Стараясь идти размеренным шагом, она спустилась на первый этаж, вышла по коридору в широкое фойе. Цокая каблучками, проследовала мимо охранника в стеклянной будке, приложила ключ-карту к турникету и оказалась на улице, где с головой окунулась в наполненный городским шумом тёплый воздух бабьего лета.

Ласковый ветер дунул ей в лицо, подхватил ниспадающие на плечи рыжие локоны, щекоча щёки и шею шелковистыми прядками. Настя прищурилась, глядя на низко висящее над крышами домов осеннее солнце, медленно спустилась по ступенькам крыльца, стараясь не привлекать к себе внимание излишней нервозностью (камеры системы видеонаблюдения были не только внутри, но и снаружи центра) и двинулась к выходу с огороженной территории.

Едва она влилась в шумную толпу спешащих по делам горожан, как в здании её недавней тюрьмы завывала сигнализация и с металлическим лязгом опустились решётки на все окна и двери. Никто из пешеходов не обратил на это внимания. Каждый был занят своими проблемами. В гомонящем и шаркающем тысячами ног потоке Настя добралась до входа в метро и, не оглядываясь назад, скрылась за стеклянными дверями.

Широкая пасть подземной Москвы проглотила беглянку, обдав смесью технических запахов, протолкнула сквозь узкую глотку эскалатора и выплюнула вместе с другими пассажирами на просторный перрон. Из темноты тоннеля, с воем и грохотом, вылетел сверкающий огнями состав. Скрипя тормозами, синяя железная змея прокатилась вдоль платформы до заданной точки, с лязгом распахнула двери и зашипела, расслабляя натруженные стальные мышцы.

Стрельнув глазами по сторонам, Настя вошла в полупустой вагон, встала напротив двери между группкой галдящих не то студенток-первокурсниц, не то старшеклассниц и высоким парнем в синей толстовке с капюшоном, рваных джинсах и коричневых башмаках на «тракторной» подошве. Кроме них в вагоне было ещё с полсотни человек. Одни сидели на местах, другие стояли, держась за поручни. Девуцы, как сороки, громко стрекотали о своём. Время от времени их торопливый трёп прерывался взрывами хохота, но пассажирам было не до них: каждый отстранялся от окружающего мира, как мог. Кто-то читал книги в мягких обложках, кто-то уткнулся в телефон или планшет, и почти у всех уши были заткнуты наушниками, как у того парня в толстовке.

Настя долго каталась в метро, переходя с ветки на ветку. Делала она это не от безделья, хотя отчасти в этом крылась причина столь длительного путешествия под землёй. Просто девушке казалось, что Семакин выслал за ней погоню и его ищейки уже напали на след. Беглянка постоянно озиралась по сторонам, вглядывалась в лица находящихся рядом людей. Сначала она делала это слишком явно, привлекая тем самым к себе излишнее внимание. Пассажиры сторонились её: мало ли в Москве сумасшедших, всё-таки осень на дворе, время сезонного обострения психических, и не только, заболеваний.

Паранойя несколько отпустила девушку, когда она в очередной раз сменила маршрут. Теперь Настя не так пристально рассматривала попутчиков, а лишь незаметно косила глазом, сканируя пространство вагона на предмет подозрительных личностей. На всякий случай она ещё раз поменяла состав, перейдя с кольцевой линии на радиальную, проехала четыре остановки и на пятой покинула вагон.

К тому времени, когда Настя поднялась на поверхность, на улицах уже горели фонари. За всю свою короткую, но богатую на приключения жизнь девушка ни разу не бывала в Москве вот так свободно, сама по себе. Проведённые в исследовательском центре Семакина четыре года Настя справедливо считала настоящим тюремным заключением. А как иначе назвать то бесправное прозябание в палате под воздействием дурманящей мозги химии и постоянные эксперименты?

Настя резко тряхнула головой, гоня прочь неприятные воспоминания. К чему они теперь, когда она на свободе и ей во что бы то ни стало надо попасть в Зону. Максим там один, он нуждается в её защите! Она обязательно придёт за ним, она поможет, она сделает всё, чтобы найти сына и спасти его. Конечно, за годы

вынужденного безделья она несколько сдала и потеряла форму, но это ничего не значит. Ей потребуется не так много времени, чтобы вернуться в тонус. Человек, у которого большая часть сознательной жизни прошла в Зоне, вряд ли способен забыть те навыки, что помогали ему выживать в полном опасностей мире. Ещё лучше, если оказаться там снова плечом к плечу с верным другом и надёжным напарником.

Настя смахнула дрожащие на ресницах слезинки, провела кончиками пальцев под глазами. Воспоминания о Колдуне нахлынули внезапно. Ей казалось, она навсегда забыла о нём, но стоило девушке очутиться на свободе, как в памяти сами собой начали всплывать приятные моменты из их короткой совместной жизни.

Когда Семакин сказал пленнице, что её муж без вести пропал на просторах Зоны и, вероятнее всего, погиб, она не поверила и всё ждала, что он вот-вот придёт за ней и вырвет из лап обезумевшего профессора. Но дни складывались в недели, те – в месяцы и годы, а Колдун всё не появлялся. Со временем Настя поверила ученому (он с садистской ухмылкой регулярно напоминал ей о смерти мужа), смирилась с утратой и постаралась выбросить прошлое из головы. В этом Насте хорошо помогали медикаменты, которыми её пичкали по несколько раз на день.

Картинки былой жизни мелькали перед внутренним взором Насти своеобразным калейдоскопом. Она полностью погрузилась в свои мысли и не заметила, как оказалась на плохо освещённой улице, вдали от жилых домов.

– Эй, красавица, куда спешишь? – От кирпичной стены не то склада, не то промышленного корпуса отделилась худая сутулая фигура и развязной походкой двинулась к девушке.

Настя остановилась. Видения прошлого мигом выветрились из головы. Беглянка тотчас подобралась, посмотрела по сторонам, оценивая ситуацию. Кроме идущего наперерез гопника к ней приближались ещё двое отщепенцев. Тусклого света луны хватало, чтобы разглядеть детали вроде спортивных костюмов и плоских кепок на головах бандитов.

В том, что эти трое приближаются к ней с гнусными целями, Настя не сомневалась и готовилась дать достойный отпор. Но как это сделать, когда отвыкшее за четыре года от регулярных нагрузок тело реагирует не так быстро,

как ей хотелось бы? К тому же введённая несколько часов назад химия до сих пор давала о себе знать: Настя всё ещё чувствовала некую заторможенность, к которой внезапно добавилось лёгкое головокружение.

В последнем она была уверена не до конца. Вполне возможно, что за проведённое в плену у Семакина время её организм привык к регулярным инъекциям всякой дряни и теперь так реагировал на отсутствие очередной дозы. Как бы там ни было, девушка хотела дать мерзавцам отпор и многое отдала бы сейчас за возможность сжать в руках привычную штурмовую винтовку, «калаш» или тот же ПМ, на худой конец. К сожалению, ничего подобного в её распоряжении не было. Приходилось рассчитывать только на себя.

Настя тряхнула головой, пытаясь сфокусировать не вовремя поплывшее зрение, сжала пальцы в кулак и приняла боевую стойку.

– Ты чё, нах, каратистка? – гнусаво сказал тот, что подошёл слева.

Настя чуть сдвинулась в сторону, чтобы держать всех подонков в поле зрения.

– Смари, я тоже так умею. – Гопник вскинул руки, поднял согнутую в колене правую ногу. – Уоуу! – завыл он, махая клешнями перед собой.

– Харэ волну гнать, Корявый. – Заводила банды окончательно вышел из тени здания и остановился в трёх шагах от девушки, поигрывая ножом-бабочкой. Мелькающее в лунном свете лезвие тускло сверкало, то исчезая, то появляясь вновь. Небритое лицо хулигана выглядело помятым, под левым глазом темнел старый синяк. Бандит растянул губы, демонстрируя отсутствие части зубов, дохнул сивушным перегаром: – Готовь деньги, курва! Корявый тебе клоун, что ли, бесплатно выступать. Верно, Корявый?

– Ага, Щербатый! Гони бабло, не то дам в табло, – выдал Корявый и довольно заржал, громко хлопая себя по бедру. Вместе с ним загоготал третий утырок, самый мелкий из всех.

Предводитель не разделял веселья своих шакалов. Он цикнул зубом и рывкнул:

– Заткнулись оба! – Корявый и мелкий мгновенно умолкли. – А ты, овца, глухая, чё ли? Деньги давай! Нет бабок, натурой возьмём. Верно, пацаны?

Гопники довольно осклабились.

Настя ничего не ответила, лишь сильнее сжала кулачки до отпечатков ногтей в ладонях. Её тело напряглось, как сжатая пружина.

Бандиты переглянулись. Щербатый кивнул прихвостням, и те двинулись в стороны, увеличивая круг. Потенциальному наблюдателю могло показаться, что они правильно оценили стремление жертвы защищаться и решили таким способом подстраховаться от внезапного нападения. На самом деле подонки в разы усложнили ситуацию. Теперь Настя видела только главаря, его подельники оказались вне зоны видимости. Вернее, девушка могла захватить их боковым зрением, но для этого ей пришлось бы вертеть головой, словно сова.

Так она и сделала, пытаясь держать ситуацию под контролем, но вышло не очень. Слишком уж резко глянула по сторонам, сказывалось долгое отсутствие практики. Мало того что гопота восприняла это движение как слабость и накотивший на жертву страх, заухала и заулюлюкала, отпуская скабрзные шуточки, так ещё и голова закружилась и поплыло перед глазами.

Настёна покачнулась, но тут же взяла себя в руки, тряхнула головой, сильно зажмурилась на мгновение, открыла глаза и сфокусировала зрение на Щербатом. Тот вдруг сделал резкий выпад, махнул перед собой клинком сверху-вниз наискось. Настя легко скользнула в сторону, держа расстояние. Неожиданно раздался сухой треск, и девушка, потеряв равновесие, больно приложилась боком о холодный бетон.

Раздался громкий топот. Секунду спустя на неё навалились мерзавцы. Жадные руки заскользили по одежде. Сначала отлетели пуговицы пальто, потом с треском порвалась футболка. Настя закричала, одному вцепилась ногтями в лицо, другого лягнула в ногу, третьему впилась зубами в запястье.

– С-сука! – злобно завопил Щербатый, держась за руку с алыми каплями на месте укуса. – Бей её, пацаны!

Мелкий с расцарапанным в кровь лицом больно саданул Насте по рёбрам и так засветил ногой в живот, что у девушки перехватило дыхание, а на глазах выступили слёзы. Корявый тоже хотел поучаствовать в гнусном деле, но едва занёс кулак, чтобы лупануть жертву по лицу, как раздался хруст, и бандит с диким воем повалился рядом с Настей, прижимая к груди сломанную конечность.

- Подонки! - гроыхнул сверху хриплый голос.

В следующее мгновение шкет кубарем отлетел от девушки и, как мешок картошки, хлопнулся на бетон в метре от неё. Над Настей промелькнуло незнакомое искажённое гримасой ненависти бородатое лицо. Крепкая жилистая рука протянулась к Щербатому, намереваясь схватить того, как щенка, за шиворот. Главарь увернулся, вскочил на ноги и попятился, размахивая ножом перед собой:

- Не подходи, каз-зёл, зарежу!

Неожиданный защитник не стал понапрасну тратить слова. Он поднял крепкие кулаки, прыгнул к гопнику и резким ударом в челюсть вышиб из того зубы с кровавыми брызгами.

Глаза Щербатого закатились, нож выпал из ослабевшей руки, а сам бандит без чувств рухнул к ногам победителя. Видя такое дело, недомерок бросился прочь с места драки, забыв о предводителе и скулящем, как трусливый шакал, приятеле (тот по-прежнему баюкал сломанную руку, пуская слюни из перекошенного рта). Эхо торопливых шагов зазвенело в тёмной кишке проулка.

Незванный спаситель мельком глянул на поверженных противников, оценивая вероятность контратаки, удовлетворённо хмыкнул в бороду, склонился над ошеломлённой девушкой и протянул руку:

- С вами всё в порядке?

Настя инстинктивно схватилась за полы пальто, прикрывая оголённую грудь, сжала пальцы на твёрдой, как столетний дуб, ладони.

– Вы появились вовремя. Спасибо!

Она ощутила себя пушинкой, так легко он оторвал её от земли, перенесла центр тяжести на левую ногу и снова чуть не упала. Незнакомец поймал её за талию, резко прижал к себе.

– Простите, я не хотел вас обидеть... вы могли упасть... – пробормотал он, ослабив хватку.

– Всё нормально, – улыбнулась Настя. Согнула ногу в колене, посмотрела назад.

«Каблук сломался, потому и упала в тот раз», – догадалась она.

Мужчина в кожаной куртке и заправленных в берцы джинсах негромко кашлянул, едва заметным движением пальцев указал на её ноги и отвернулся.

Настя опустила голову и почувствовала, как кровь приливает к щекам. Мало того что пальто осталось без пуговиц и теперь приходилось придерживать полы рукой, так ещё во время потасовки одна из штанин спустилась и теперь почти полностью закрывала сапог. Настя наклонилась. Края пальто расползлись в стороны, наполовину оторванный лоскут футболки свесился вниз. Настя смутилась ещё сильнее, торопливо закатала штанину, на всякий случай поправила вторую. Резко выпрямилась, запахнула пальто, свободной рукой пригладила растрёпанные волосы.

Защитник подставил руку, когда Настя закончила приводить себя в порядок:

– Обопритесь на меня, так вам легче будет идти. Смелее, ёк-макарёк, – он ободряюще улыбнулся.

Настя посмотрела на мужчину. Его бородатое лицо показалось ей смутно знакомым. Лихорадочно роясь в памяти, она внимательно изучала своего спасителя, пока луна не скрылась за облаками и место, где они стояли, не погрузилось во тьму.

Ближайший источник освещения находился метрах в двадцати от них. Железный фонарь времён царя Гороха висел на глухой стене промышленного

здания и скрипел, покачиваясь на ветру. Жёлтое пятно света под ним постоянно меняло форму и размеры. Оно то заползло на стену, то разливалось по старому, в трещинах и выбоинах, бетону.

К трусливому поскуливанию Корявого добавился тихий стон поверженного главаря. Он понемногу приходил в себя. Луна опять выскользнула из-за облаков, залила бледным светом окружённый тёмными строениями пяточок, наполнила густой чернотой проходы между высокими стенами. Рядом с бесформенной тенью Щербатого тускло блеснуло лезвие складного ножа.

– Секунду! – незнакомец шагнул к преступнику, ударом ноги отшвырнул нож куда подальше. Вернулся и снова предложил свои услуги: – Прошу!

По-прежнему придерживая пальто на груди, Настя улыбнулась, положила ладошку на крепкое предплечье таинственного друга и захромала рядом с ним прочь из негостеприимного места.

Глава 3

Знакомство

В Москве, как и в любом крупном городе, вполне благополучные кварталы часто соседствуют с полузаброшенными промзонами, огромными складскими территориями и прочими прибежищами всякого сброда. Спустя пятнадцать минут после неожиданного спасения Настя, в сопровождении своего благодетеля, доковыляла до освещённой уличными фонарями автобусной остановки и, едва сдерживая вздох облегчения, села на деревянную скамейку: хромать на одном каблуке – то ещё удовольствие.

Вечерняя столица призывно сверкала мириадами огней. По дороге с шумом проносились машины, где-то гремела музыка. В тёмном небе грохотал вертолёт, мигая красными маячками.

– Где вы живёте? – незнакомец присел на скамейку, закрыв собой парочку милующихся в тёмном углу павильона влюблённых.

Настя повернулась к спасителю лицом, сдунула упавшую на глаза прядку.

– Что?

– Ваш дом далеко отсюда?

– У меня нет дома, – покачала головой Настя.

– Вы сбежали из больницы, – сказал мужчина, не то констатируя факт, не то спрашивая её. Девушка вздрогнула, втянула голову в плечи. – Я так и понял, ёк-макарёк, – кивнул он и усмехнулся: – Уж очень штанишки у вас фактурные. Спокойно. Меня не интересует ваше прошлое, я не знаю, откуда вы появились, но я знаю точно: на улице ночевать вы не будете. Поехали.

– Куда?

– Эту ночь вы проведёте у меня. Не бойтесь, я не причиню вам вреда, – неправильно истолковал он её взгляд. – Я не обижаю девушек и вообще отношусь к прекрасной половине человечества с глубоким уважением. Вставайте.

– Зачем?

– Вы что, в таком виде собираетесь ехать на автобусе? – Настя плотнее запахнула пальто на груди. – Вот и я о том же. Сейчас возьмём такси и спокойно доедем до дома.

Он помог ей встать, поддерживая за локоть, подвёл к дороге, свистом и взмахом руки привлёк внимание таксиста. Зелёный огонёк на лобовом стекле погас. Машина вырулила со стоянки, немного проехала вперёд, пропустила встречный «мерседес», развернулась и подкатила к остановке. Незнакомец дождался, пока Настя устроится на заднем сиденье, захлопнул дверь и сел рядом с водителем.

Тёплый салон и пережитый стресс сделали своё дело. Стоило машине тронуться с места, как Настя задремала и очнулась лишь от лёгкого прикосновения к её плечу. Она вышла из такси, опираясь на руку неожиданного помощника, зябко поёжилась.

– Вот мы и дома, ёк-макарёк, – спутник показал на кирпичную хрущёвку с жёлтыми квадратиками светящихся окон. – Сейчас поднимемся на третий этаж – и удобный ночлег вам обеспечен.

В подъезде пахло едой, теплом и кошачьими метками. Следуя на шаг впереди Насти, незнакомец привёл её к квартире, открыл дверь и отступил в сторону:

– Проходите!

Девушка перешагнула через порог, вдохнула пахнувший хвойным освежителем воздух, немного прошла вперёд и прижалась к стене. Хозяин жилища вошёл следом за ней и, прежде чем запереть дверь, включил свет в прихожей.

Пока он возился с замком, Настя бегло осмотрела оклеенный простенькими обоями коридорчик. Шкаф, подставка для обуви, круглое зеркало на стене, плетёный коврик у входной двери, под потолком скромный светильник – стеклянный плафон на белом проводе. Ничего особенного.

– Меня Виктор зовут, – представился владелец жилища, снимая берцы.

– Настя.

– Вот и познакомились.

Виктор прошёл в комнату, щелкнул выключателем и скрылся за углом, скрипя половицами.

– Проходи, располагайся. Ты можешь душ принять, если хочешь. Сейчас полотенце принесу. – Он появился через несколько секунд с махровым полотенцем в руках. – Извини, что так сразу на «ты». Я просто подумал...

– Всё нормально. А у тебя есть что надеть? У меня, сам понимаешь, кроме пальто и пижамы ничего нет.

Виктор окинул Настю оценивающим взглядом, пробормотал: «Думаю, подойдёт», – и снова скрылся в комнате. На этот раз он отсутствовал намного дольше.

Пока его не было, девушка скинула с себя пальто, сняла сапоги и теперь стояла босая на джутовом коврикe, прикрывая ладошкой прореху в футболке на груди. Довольно-таки странная ситуация её не пугала, хотя женщина в гостях у незнакомого мужчины (несколько минут общения и обмен именами Настя не брала в расчёт) – это даже по современным меркам не комильфо, если, конечно, не учитывать определённые случаи за определённую плату. Настя сама не знала, откуда у неё была уверенность, что Виктор не причинит ей зла. Наверное, эта уверенность зиждилась на том, что тот, кто спасает от неприятностей, неспособен их причинить. Кроме того, Настя всё больше склонялась к мысли, что где-то уже встречала своего незваного спасителя и что та встреча, как и в этот раз, была связана с вызволением её из беды.

Виктор появился с разноцветной стопкой одежды в руках.

– Здесь джинсы, рубашка, футболка, всё примерно твоего размера, ну и так, по мелочи, – сказал он, слегка покраснев, и протянул вещи своей гостье.

– По мелочи – это, я так понимаю, женское бельё? – улыбнулась Настя, прижимая одежду к груди. Виктор кивнул и смутился ещё сильнее. – А могу я узнать, откуда эти вещи? А то вдруг ты маньяк, заманиваешь к себе домой девушек, насилуешь, убиваешь, избавляешься от тел, а одежду оставляешь себе как трофеи.

От прежнего смущения не осталось и следа. Виктор буквально вскипел от негодования:

– Ты что несёшь, ёк-макарёк?! Какой я тебе маньяк?! Это от моей бывшей осталось. Она две недели назад к какому-то бизнесменишке ушла, сказала: это старьё ей теперь ни к чему, хахаль её в золоте, мехах и шелках купать будет. – Виктор одарил Настю косым взглядом, резко выдохнул и сказал на тон ниже: – Извини, не сдержался.

– Это ты меня извини. – Настя примирительно дотронулась до плеча мужчины. – Я виновата, но и ты меня пойми: мы друг друга совсем не знаем. Ты меня позвал к себе, даёшь женские вещи, а живёшь один... – Она прикрыла глаза и покачала головой: – Господи, что я несу? Будь ты не один, я бы здесь вообще сейчас не стояла и не чувствовала себя полной дурой. Всё, хватит, я лучше в ванную пойду, а то ляпну опять что-нибудь не то.

Не глядя на хозяина квартиры, Настя мышью скользнула за дверь, щёлкнула задвижкой, пустила воду.

Пока она приводила себя в порядок, Виктор на скорую руку приготовил яичницу, с полдюжины бутербродов с сыром и колбасой, вскипятил воду в чайнике. Когда умытая и порозовевшая гостья вышла из ванной с тюрбаном из полотенца на голове и в идеально сидящей на ней одежде, он посадил её за стол и вместе с ней приступил к позднему ужину.

Во время трапезы Виктор то и дело ощущал на себе пристальный взгляд девушки. В такие мгновения он поднимал голову, но Настя успевала отвести глаза и делала вид, что смотрит в окно на пролетающие в темноте огни машин.

Наконец, когда тарелки со следами яичницы оказались в раковине, а на столе появились парующие кружки с крепким ароматным чаем, Настя решилась и прямо задала волнующий её вопрос:

– Мы раньше нигде не встречались?

– Да нет вроде, – пожал плечами Виктор и пригубил горячий напиток. – У меня память на лица хорошая, если б нам довелось видеться в прошлом, я бы тебя полюбому узнал.

– Странно, а мне кажется, мы давно знакомы. – Настя несколько раз задумчиво провела пальчиком по горячему ободку кружки, набрала полную грудь воздуха, медленно выдохнула и заговорила, положив руку на стол: – Я на самом деле сбежала, но не из больницы, как ты подумал, а из исследовательского центра. На мне ставили жуткие эксперименты...

Виктор чуть подался вперёд, протянул руку, собираясь накрыть широкой ладонью Настины пальчики, но потом передумал.

– Ты можешь ничего не говорить...

– Я должна рассказать, – перебила его Настя, резко тряхнув головой. Тюрбан из полотенца размотался. Она сначала поправила его, потом передумала, сняла полотенце и положила на подоконник. Запустила пальцы в волосы и серией

энергичных движений сделала подобие причёски а-ля русалка на пляже. – Так что придётся тебе сегодня побыть моей жилеткой.

Тот кивнул: дескать, он всё понимает и готов её выслушать.

За разговором время летело незаметно. Виктор дважды подогревал чайник и наполнял кружки до краёв, пока Настя рассказывала о себе, о сыне, о профессоре Семакине, его центре и опытах, какие он ставил над ней.

– Он хотел, чтобы я стала его любовницей, а я отказывалась. Говорила: муж обязательно придёт за мной, и тогда Семакину несдобровать. «Твой Колдун давно уже мертв, – смеялся он в ответ. – Мутняки обглодали его труп, а дожди и ветер добела выскоблили кости». Я продолжала упорствовать, и тогда он начал ставить на мне эксперименты.

Настя обхватила кружку обеими руками, поднесла к губам, сделала большой глоток, потом ещё один и ещё. Вернула наполовину пустую посудину на стол, посмотрела Виктору в глаза.

– Не так давно он пришёл ко мне пьяный, сел на кровать, дыхнул перегаром в лицо. Ведьма, говорит, это ты во всём виновата. Схватил рукой за волосы, дёрнул, словно скальп хотел с меня снять. Наверное, добивался, чтобы я закричала, ну или хоть как-то ответила ему, а я лежу вся такая обдолбанная: мне транквилизаторы недавно внутривенно ввели, пристегнули ремнями к койке и оставили на ночь «отдыхать», так они это называли. Семакин тогда злобно зарычал, дважды наотмашь ударил меня по щекам, назвал сукой, вскочил и заходил по палате, неся какой-то бред насчёт моего желания навредить ему. Мол, я так сильно хочу, чтобы он облажался, что из-за этого сформировалась устойчивая мыслесфера и реальность трансформировалась. Якобы из-за этого во время эксперимента с моим мальчиком образовался пробой между мирами, моего малыша, словно пылесосом, затянуло в Зону, лишив Семакина шанса накачать этот мир аномальной энергией.

Настя злобно скрипнула зубами и так резко хлопнула ладошкой по столу, что в кружках звякнули чайные ложечки.

– Нет, ты понимаешь, что этот урод яйцеголовый задумал? Он хотел сделать из моего мальчика подобие спутниковой тарелки!

Она отвернулась к окну, грызя ноготь большого пальца.

Виктор молчал, помешивая ложкой остывающий чай. Он не знал, что сказать, да и вряд ли слова могли сейчас помочь. Любая мать переживает за своего ребёнка, даже если тот просто вышел погулять, а тут малыш бесследно исчез в этой, как его, Зоне. А кстати, что это за Зона такая? Где она вообще находится и почему Настя сказала «этот мир»? Он оставил ложку в покое, отодвинул кружку от себя и задал интересующие его вопросы.

Чуть склонив голову набок, Настя посмотрела на Виктора, словно изучала его. Её взгляд как будто кричал: «Ты правда ничего не помнишь?»

– Подожди, я сейчас. – Она выскользнула из-за стола, вышла в коридор и вернулась оттуда с наладонником и похожим на телевизионный пульт устройством. Девушка протянула наладонник собеседнику: – Держи. Здесь ответы на твои вопросы.

Виктор взял мини-комп в руки, включил и стал изучать содержимое: карту Москвы с хаотично разбросанными по ней красными крестиками, спутниковые снимки Зоны отчуждения ЧАЭС с малопонятными пометками и текстовые файлы с описанием всяких мутантов, каких-то артефактов и непонятных аномалий.

Настя не стала ждать, когда Виктор закончит просматривать информацию. Для себя она всё уже решила и теперь стремительно двигалась к реализации плана:

– На карте Москвы крестиками обозначены точки перехода в параллельный мир, где находится Зона. Попасть туда можно с помощью транскриббера, – она кивнула на лежащий с краю стола узкий пенал с тремя рядами продолговатых кнопок. – Этот прибор на короткое время открывает проход между мирами. Ты нужен мне, Байкер, без тебя я не смогу вернуть сына и найти мужа.

Виктор оторвался от наладонника, поднял голову, бросил непонимающий взгляд в сторону Насти.

– Как ты меня назвала?

– Байкер. Я вспомнила, где тебя раньше видела. Мы познакомились в Припяти, ты туда с другом пришёл. Он стал потом моим мужем. Я уговорила вас дойти со мной до ЧАЭС ради спасения пленённых фанатиками подростков[2 - Эти события подробно описаны в романе «Тени прошлого»]. А потом ты как в воду канул, и вот, спустя столько лет, мы снова встретились. Это не может быть просто совпадением.

– Скажешь тоже, – усмехнувшись, Виктор покачал головой, теребя пальцами бороду. – По-твоему я, обычный охранник из продуктового магазина, – опытный сталкер по прозвищу Байкер? Да я после армии автомат в руках не держал, не то чтобы по всяким зонам шастать. Фантазёрка же ты, ёк-макарёк.

– Во-во, в Припяти ты эти словечки тоже употреблял. А тебе не приходило в голову, что тебя могли химией напичкать, как меня, но только с другой целью: стереть память о прошлом?

– Какой химией, Настя? Что ты такое говоришь, ёк-мак... Тьфу ты, прицепилась, зараза. Я простой охранник, в Зоне никогда не был и вообще я считаю всё это бредом. Нет ни Зоны, ни мутантов, ни сталкеров. Ничего такого не существует. Есть только территория отчуждения вокруг разрушенной взрывом станции. Точка.

– Так ты мне не веришь?! – глаза Насти сердито сверкнули. – Думаешь, я спятила? Из дурки сбежала? Тогда откуда у меня это? – Она показала на лежащие с краю стола приборы. – Что за карты в этом наладоннике?

– Откуда я знаю? – отмахнулся Виктор. – Может, там какие-нибудь захоронения этими знаками отмечены.

– Какие захоронения? Ты о чём?

– Ну, после ликвидации аварии в тех местах много заражённых предметов и техники осталось. Вот в этих местах их и закопали, а, чтобы другие туда не ползали, могильники поместили условными знаками. Ладно, всё, хватит об этом. Ты чай допивать будешь? – Настя помотала головой. – Я тоже не хочу.

Он встал, вылил остатки напитка в раковину, сполоснул кружки. Потом ушёл в комнату, долго там чем-то стучал, скрипел и шуршал. Вернулся со скрученным в

рулон матрасом.

– Я посплю здесь, на полу. Для тебя готов диван в комнате, бельё свежее, не волнуйся.

Настя всё ещё дулась как мышь на крупу, потом вдруг её взгляд смягчился, она дотронулась до руки Виктора, сказала почти умоляюще:

– Пожалуйста, Байкер, мне нужна твоя помощь.

Виктор убрал руки за спину.

– Спокойной ночи.

Настя ещё раз глянула на него, кивнула, словно отвечая на свои мысли, и покинула кухню.

Утро застало её в постели. События минувшего дня и непростой разговор с Виктором забрали много сил. Она проспала всю ночь, хотя в исследовательском центре часто лежала без сна, тупо пялясь в белый потолок. Не помогали даже антидепрессанты и транквилизаторы, которыми её пичкали с фанатичным упорством.

Хозяин квартиры уже вовсю орудовал на кухне. Громко скворчала сковорода, кипела вода в чайнике, вкусно пахло обжаренным в яйце хлебом.

Настя встала с кровати, оделась, накрыла смятую простынь одеялом. Привычным движением взъерошила волосы, несколько раз пропустив их сквозь пальцы. В Зоне она часто так «причёсывалась», да и в плену у Семакина было не до пустяков вроде расчёски, так что она привыкла приводить себя в порядок столь радикальным способом.

В коридоре слышались шаги, по деревяшке косяка постучали.

– Можно?

Не дожидаясь разрешения, Виктор вошёл в комнату.

– Завтрак готов. – Он помялся, явно собираясь что-то сказать. Настя кивнула: дескать, смелей, я слушаю. – В общем, я тут ночью подумал... Может, ты и права насчёт Зоны, ну вроде как в поле суслика не видно, а он есть. Короче, я решил тебе помочь, всё равно у меня отпуск, заняться нечем, а так хоть какое-то развлечение, даже если ты всё это выдумала.

Настя взвизгнула от радости, бросилась ему на шею и чмокнула в заросшую жёсткими волосами щёку.

– Спасибо, Байкер! Я знала, ты меня выручишь!

– Эта, ёк-макарёк, давай без всяких прозвищ. Меня Виктор зовут, понятно?

– Конечно, понятно, чего ж тут не понять. Только в Зоне не принято друг друга звать по именам, примета плохая. Так что, Витюша, хочешь не хочешь, а быть тебе Байкером.

Виктор задумчиво почесал бороду.

– Ну, хорошо, я Байкер, так и быть. А как мне тебя звать?

– Не знаю, – пожала плечами Настя. – Хочешь, Лаской зови.

– В смысле, это от слова «ласковая»?

– Нет. Я как этот зверёк: с виду безобидная, а на деле – опасный враг для всех, кто имеет что-то против меня, – дерзко ответила девушка и высунула кончик языка.

– Ух ты, – усмехнулся Виктор. – Запал-то побереги, не трать понапрасну, а то, если верить записям в твоём наладоннике, Зона опаснее тропических джунглей раз в сто, если не больше.

Он привёл заметно повеселевшую гостью на кухню, насыпал кофе в кружки, залил кипятком, поставил на стол тарелку с румяными тостами и банку с вареньем. После завтрака вымыл посуду, хоть Настя и выразила желание

сделать это сама.

– Ты вот что, сходи в комнату, обувь там себе подбери, верхнюю одежду, а то на твоё пальто и сапоги без слёз не взглянешь. А я пока рюкзак соберу, – сказал он, вытирая руки кухонным полотенцем.

Спустя полчаса они вышли из подъезда. Солнце уже висело над соседним домом, обещая такой же тёплый осенний день, как и вчера. В тени старых деревьев на скамейке сидели бабульки с тросточками в руках. Они вполголоса обсуждали последние новости, не забывая при этом подкармливать воркующих голубей. Птицы степенно прохаживались перед старушками, склёвывая хлебные крошки и семечки. Чуть в стороне несколько воробьёв купались в пыли, воровато поглядывая на сизарей. Одна из бабулек бросила в их сторону горсть семечек. Воробушки сразу затеяли драку, громко чирикавая и хлопая крыльями.

Виктор и Настя спустились с крыльца. Проходя мимо скамейки, поздоровались с пожилыми сплетницами. Старушки закрыли рты и, поджав губы, проводили пару пристальными взглядами, а как только та скрылась за углом, оживились и начали с жаром осуждать свободные нравы молодёжи, говоря, что раньше всё было не так и до свадьбы девушки с мужчинами не ночевали.

Виктор взял курс на ближайшую станцию метро. Ещё дома они выработали маршрут: им надо было добраться до «Комсомольской», выйти на поверхность и в двух кварталах от станции включить транскриббер.

В светлых джинсах, белых кроссовках и приталенной курточке того же цвета Настя выглядела как студентка московского вуза. На её фоне – в своей кожаной куртке и заправленных в берцы тёмных джинсах – Виктор смотрелся старше своих тридцати восьми лет. Хотя, вполне возможно, его старили борода, тёмные волосы с редкими вкраплениями проседи и падающая на лицо тень от широкополой шляпы наподобие армейской панамы.

Незадолго до входа в метро Виктор вдруг ощутил неладное. Он буквально затылком почувствовал чужой взгляд. Проходя мимо уличного кафе, мужчина взял Настю за руку, слегка сжал её пальцы и прошептал: «За нами следят». Делая вид, что разглядывает витрину, он использовал стекло как зеркало. За ними действительно следили. Он понял это по характерному поведению двух рослых парней в тёмных полупальто и одинаковых с виду штанах. Стоило ему и

Насте остановиться, как здоровяки тоже сбавили ход, изображая, что смотрят на проезжающие по дороге автомобили.

- Ты их раньше видела? - шёпотом поинтересовался Виктор.

Настя чуть повернула голову, скосила глаза в сторону загадочных преследователей.

- Нет, - так же тихо ответила она. - Может, это за тобой следят? Мне Колдун рассказывал, ты до Зоны в спецназе ГРУ служил.

- Я обычный охранник, - прошипел Виктор и быстро зашагал к станции метро.

- Ага! Я уже это слышала, - сказала Настя, едва поспевая за спутником. Меньше чем через минуту она оглянулась. Топтуны действительно пасли их, поскольку ускорились сразу, стоило беглецам начать движение.

Когда до входа в метрополитен оставалось немногим больше ста метров, Виктор крикнул: «Бежим!», схватил Настю за руку и рванул к стеклянным дверям.

Расталкивая людей, они вихрем ворвались в вестибюль, перепрыгнули через турникеты, не реагируя на вопли смотрительницы в синей форме и круглой шапочке того же цвета на пепельно-серых волосах, и побежали вниз по эскалатору, перескакивая через ступеньки и освобождая себе окриками дорогу.

Станция встретила беглецов громким гулом, топотом ног и смесью технических запахов. Проталкиваясь сквозь плотную толпу людей, Виктор тащил за собой Настю, не выпуская её ладошку из своей руки. В его сознании многое переменялось за последние несколько минут. Стоило засечь слезку, как он со всей серьёзностью осознал сложность предстоящего дела и словно переродился. В нём как будто пробудился другой человек: холодный, рассудительный, жёсткий до жестокости, способный убить любого, кто встанет у него на пути.

Может, Настя была права, когда говорила, что он не тот, кем привык себя ощущать? А ведь он согласился помочь ей, поскольку принял это за некую игру. Он устал от размеренной жизни и жаждал приключений, ну или хотя бы смены привычного уклада на несколько дней. К тому же естественный ход событий -

под ним Виктор понимал недавний разрыв с бывшей пассией – требовал нового увлечения. На эту роль превосходно подходила Настя. Она нравилась ему как женщина. Его не смущало, что она время от времени упоминала о муже, ведь он, Виктор, здесь, рядом с ней, а мифический супруг непонятно где и вообще неизвестно, жив ли он и существует ли на самом деле.

Из глубины тоннеля послышался нарастающий грохот приближающегося метрпоезда. Вскоре синий грохочущий состав выкатился из тёмной кишки облицованного бетонными тубингами перегона, с лязгом прополз до конца перрона и остановился. Двери с шипением разъехались в стороны. Беглецы, вместе с другими пассажирами, направились к вагонам.

В этот момент привычный звуковой фон станции нарушил пронзительный женский визг. Виктор оглянулся и, как оказалось, сделал это не зря. Один из преследователей вытащил из кармана пистолет с глушителем и теперь целился в них. Не среагируй Виктор на истеричный крик, лежать бы им с Настей сейчас на перроне в лужах крови с пробитыми пулями головами.

Виктор толкнул Настю в вагон, сам прыгнул следом, сбив с ног парня в красной толстовке. Тот было возмутился, но сразу же затих, когда стенка вагона сыпанула искрами и загудела от попавших в неё пуль.

Снова раздалось шипение сжатого воздуха. Двери захлопнулись. В тот же миг стекло одной из них треснуло и со звоном осыпалось на крытый резиновыми листами железный пол вагона.

Пассажиры в поезде закричали. Началась паника. Какой-то толстяк рванулся в хвост поезда, сбивая людей с ног, подобно тому, как шар для боулинга сшибает кегли. Настя оказалась у него на пути и, если бы не Виктор (тот, как регбист, бросился жирдяю наперерез и с грохотом впечатал его в стену вагона), наверняка отлетела бы в сторону, как хрупкая женщина в коричневом вязаном жакете и длинной тёмной юбке незадолго до этого.

Приведя пузана в чувство серией резких ударов по жирным щекам, Виктор схватил его за лацканы укороченного пальто и, словно тот был мешком с картошкой, швырнул на сиденье справа от двери. Ещё недавно там сидела худенькая девчушка. Как только первые пули ударили в стенку вагона, она соскочила с места, вытащила из кармана телефон и начала снимать

происходящее на камеру. Стоило Виктору засветить толстяку по лоснящимся от сала брылам, как девица повернулась к ним спиной и сделала «себяшку». Видимо, решила, что для её маленькой головки с зелёными волосами до плеч, вызывающим макияжем и пирсингом в носу дерущиеся мужики будут наилучшим фоном.

Оставив толстопуза в покое, Виктор взял Настю за руку и потащил за собой, расталкивая взволнованных пассажиров плечом.

– Сойдём на следующей станции, – сказал бородач, когда они оказались в голове поезда. Здесь было спокойно. Находясь вдали от недавней потасовки, люди занимались привычными делами: читали книжки, слушали через наушники музыку, пропадали в социальных сетях. Наклонив голову, Виктор прошептал Насте на ухо: – Если ты права и переходы в иную реальность действительно существуют, где ближайший из них? «Комсомольскую» в расчёт не бери, там может быть засада.

– Сейчас, подожди. – Настя вытащила из кармана наладонник, вывела на экран карту Москвы, скользнула по стеклу пальцами, изменяя масштаб. – Ближайший в пятнадцати километрах отсюда. Там метро нет, нужна машина.

– Нужна – значит будет. – Он шагнул к двери, готовясь к выходу.

Поезд замедлил ход, гудение в вагоне стало стихать. Состав вынырнул из тоннеля. За окнами замелькали облицованные мрамором колонны станции. Автоинформатор механическим голосом объявил название остановки, анонсировал следующую. Под днищем поезда послышался скрежет колёс, раздалось шипение. Двери со стуком раскрылись, выпуская на перрон толпы людей и заглатывая новые партии подземных путешественников.

Стараясь держаться в середине топающего и шаркающего ногами потока, Виктор и Настя добрались до перехода на другую линию метро и через десять минут оказались на поверхности. Москва встретила их симфонией звуков большого города, дохнула отравленным автомобильной гарью воздухом в лицо, ослепила пляшущими в окнах домов солнечными бликами.

Виктор посмотрел по сторонам, проверяя, нет ли за ними слежки, и в надежде найти подходящий автомобиль. Судьба им явно благоволила: недалеко от

станции метро находилась перехватывающая парковка, на которой две трети мест уже были заняты.

Виктор велел Насте идти за ним, а сам принялся высматривать подходящую машину. Видимо, лимит удачи на сегодня ещё не был исчерпан, поскольку стоило им приблизиться к стоянке, как от несущегося по дороге потока отделился чёрный «лендкрузер» и направился напрямик к тому месту, где они стояли.

Едва хозяин внедорожника открыл дверь и поставил ногу на асфальт, как Виктор с разбегу ударил плечом по стеклу. Низ дверцы больно ударил водителя по ноге. Мужчина взвыл от боли.

Не давая ему опомниться, Виктор вытащил его из машины, повалил на лопатки и с размаху врезал по лицу. Владелец «крузака» ахнул, аккуратная причёска растрепалась, на скуле появилась кровавая ссадина.

– Ключи! – рявкнул Виктор и снова замахнулся.

Второй раз бить не пришлось: хозяин «тойоты» оказался понятливым и отдал ключи без сопротивления. Когда Виктор сел в машину, Настя была уже там.

«Шустрая», – подумал он, включая зажигание. Турбированный движок заревел разъярённым бизоном. Виктор врубил задний ход, вдавил педаль газа. Тяжёлая машина легко рванула назад. (Бывший владелец едва успел убрать ноги, а то бы ещё получил переломы костей.) Раздался грохот, лопнуло разбитое стекло задних фонарей, противно заняла сигнализация повреждённого «мерседеса».

Не обращая внимания на подобные мелочи, Виктор вывернул руль и бросил автомобиль к выезду с парковки. Не дожидаясь, когда появится «окно» в плотном потоке, нажал на клаксон и, не притормаживая, вылетел на дорогу.

Гневный вой гудков, скрип тормозов, свист резины, скрежет железа и звон бьющегося стекла слились воедино. Виктор бросил мимолётный взгляд в хромированный «лопух» зеркала заднего вида. Перед выездом с парковки образовался затор из покорёженных автомобилей.

- Куда теперь? - спросил он, не отрываясь от дороги.

- Прямо. Когда будет поворот, скажу.

Угонщик добавил газу и помчался вперёд, обгоняя попутные машины. Примерно через пять минут в зеркале заднего вида замаячила серебристая «ауди» с тонированными стёклами. Она повторяла все манёвры «тойоты», быстро сокращая разделяющее автомобили расстояние.

- Тормози! - истошно закричала Настя. Упираясь ногами в пол, она вжалась спиной в сиденье, словно хотела продавить его насквозь.

Виктор бросил взгляд на дорогу. Впереди был перекрёсток. Зелёный свет светофора только что закончил мигать и сменился жёлтым.

- Чёрта с два! За нами погоня!

Вместо того, чтобы тормозить, Виктор добавил газу. «Крузак» рванулся вперёд, как застоявшаяся лошадь, проскочил перед носом набирающего ход грузовичка, обогнул вылезший на середину перекрёстка автобус и, распугивая воем клаксона идущих по «зебре» пешеходов, преодолел препятствие.

Правда, столь рискованный манёвр не помог оторваться от преследователей: «ауди», как привязанная, сидела на хвосте.

- Твою мать! - в сердцах выругался Виктор, в очередной раз глянув в зеркало. Из окна «ауди» высунулась рука с пистолетом. По кузову «тойоты» забарабанил свинцовый горох, а на заднем стекле появились белые паутинки пулевых кратеров.

Виктор ожидал, что спутница завизжит, ну или хотя бы вскрикнет, но та не издала ни звука. Похоже, она действительно говорила правду и была не понаслышке знакома с оружием.

- Далеко ещё? - отрывисто бросил Виктор. - Скоро портал или как там эта хрень называется?

– Нет, – мотнула головой Настя, не отрываясь от наладонника.

Свинцовые гостинцы преследователей снова застучали по «тойоте», высекая искры и дырявя железо.

Сзади громко завывала сирена. Кативший по встречке полицейский автомобиль круто развернулся, рисуя колёсами полосы на асфальте. Хриплой скороговоркой забубнил «матюгальник»: гайцы требовали прекратить стрельбу и остановиться.

– Пошли на фиг, ур-роды! – рявкнул Виктор, резко дёргая руль влево. «Крузак» выскочил на встречную полосу. Летящие в лоб машины с воем клаксонов сворачивали в стороны. Бросая «тойоту» то вправо, то влево, Виктор чудом избегал столкновения и вернулся на свою полосу, проскочив в считанных сантиметрах от рейсового автобуса. За те несколько секунд, что внедорожник двигался параллельно общественному транспорту, Виктор заметил перекошенное от страха лицо водителя и перепуганные физиономии пассажиров.

Опасный трюк не помог оторваться от преследователей. Те уверенно держались на хвосте. Внезапно с «ауди» что-то произошло. Виктор так и не понял, что именно случилось с машиной. Наверное, лопнуло колесо, поскольку серебристая иномарка резко вильнула, присев «мордой» на одну сторону, а потом её круто развернуло поперёк дороги.

Полицейский «форд» налетел на неожиданно возникшую преграду, подскочил, как на трамплине, перевернулся в воздухе и грохнулся на асфальт, разнеся вдребезги красно-синюю «люстру» на крыше.

Виктор на мгновение отвлёкся, глядя в зеркало на дымящую разбитыми двигателями грудю металлолома и бегущих к ней со всех сторон водителей из других машин, и не заметил, как снова оказался на встречной полосе.

Вой пневмогудка и крик Насти заставили его глянуть на дорогу. Он резко рванул руль вправо. Многотонная фура с рёвом промчалась мимо, с треском снеся боковое зеркало внедорожника.

– Портал там, – Настя вытянула руку, показывая на перегороженный шлагбаумом въезд во двор построенного в виде подковы здания. Строение находилось слева

от дороги, а значит, добраться до него можно было, лишь проскочив наискось обе встречные полосы.

– Держись, – крикнул Виктор и резко рванул руль влево, одновременно давя ногой на тормоз.

Тяжёлую машину занесло на повороте. Визжа резиной и рисуя длинные полосы на асфальте, внедорожник вылетел на встречу, чуть не превратив в хлам красную «киа пиканто», и промчался мимо свистящей тормозными колодками «газели» с рекламой пиццы на фургоне. Спустя мгновение, вильнув тяжёлой кормой и оглушительно рыча двигателем, чёрный автомобиль с треском сломал шлагбаум и исчез в неожиданно возникшем перед ним сверкающем молниями облаке.

Глава 4

Купрум

В Зону у каждого свой путь. Под ним я, разумеется, понимаю не контрольно-пропускные пункты Периметра и не сталкерские тропы сквозь натянутые между бетонных столбов витки спирали Бруно, а те причины и обстоятельства, что заставили конкретного человека прийти сюда.

Собственно говоря, вынуждающих бежать кого-то в пропитанные радиацией земли факторов не так уж и много. Одних влечёт сюда романтика вольной жизни безо всяких обязательств перед кем бы то ни было, кроме себя и судьбы (ну это ещё бабушка надвое сказала). Другие ищут здесь спасение от несчастной любви. Третьих манит жажда наживы. Четвёртые надеются спрятаться тут от правосудия и заново начать жизнь среди подобных себе. Вот, в общем-то, и все побудительные мотивы. Если считать их, загибая пальцы, получится нехилый «лайк» жизни в Зоне.

На самом деле здесь действительно хорошо, если есть голова на плечах и руки из нужного места растут. Кто-то, возможно, скажет: везде так, коли башковитый и знаешь, с какой стороны за инструмент братья. (Под инструментом я,

естественно, понимаю не столько молоток, сколько автомат Калашникова.) Может быть, спорить не буду, ведь я, кроме Зоны, нигде особо не бывал и пока никуда отсюда уходить не собираюсь. Собственно, почему пока? Я вообще не хочу менять своё настоящее место жительства ни на какой другой клочок Земли, пусть мне хоть райские кущи предлагают взамен.

Мой отец всегда говорил: где родился, там и сгодился. Я ему верю и потому никуда не хочу отсюда уезжать. Это с Большой земли к нам в Зону люди косяками прут. Наверное, думают, здесь им мёдом намазано будет. Ага, щас! Тут местным-то иногда несладко приходится, чего уж о пришлых говорить. Дохнут они, как мухи, потому что привыкли везде со своим уставом лезть. А Зона самоуправления не любит, она быстро на место любого поставит, кто супротив её уклада пойдёт.

Знаю, о чём говорю, потому что не раз видел, как возомнившие себя крутыми сталкерами новички гибли там, где я ребёнком без труда проходил. А всё потому, что Зона – живая, её чувствовать надо, любить, а не топтать грязным сапогом и хапать всё без разбора. С ней ведь, как с женщиной: лаской да нежностью, обходительностью нужно брать, а не силой надругаться, тогда и она к тебе светлой стороной повернётся и не будет строить из себя стерву склочную.

Мы с отцом всегда так делали, хоть он и из пришлых был. Хотя какой он пришлый. Он в Зону попал почти сразу с момента её возникновения. Разница, может, в несколько дней или месяцев, он точно не говорил, а я и не спрашивал. Зачем? И так понятно, что он один из аксакалов. Живая легенда!

К его дому раньше народная тропа не зарастала, все хотели Болотного Лекаря навестить, гостинцев ему принести, попросить чего или подлечиться. Это потом он стал жить уединённо, почти ни с кем из людей не общаясь, всё, в основном, с зомбьяками да зверушками местными норовя говорить.

Я как-то спросил у отца, почему он людей начал сторониться, ну он и выдал мне всё как на духу. Оказалось, он их просто видеть больше не хочет. А всё потому, что измельчал народ, не тот пошёл: мол, зависть им глаза застит, сердца злоба гложет, а души от ненависти чернее угля стали; все только о том и думают, где бы хапнуть да побольше урвать; за хабар убить готовы, руку помощи раненому не подадут, возьмут его добычу и в лучшем случае добьют, чтоб не мучился, а в худшем – подыхать оставят, да ещё и воду с едой и лекарствами заберут, чтобы, значит, страдал подольше. Сказал так отец, выдохнул и напоследок добавил,

что нынче зомби человечнее людей пошли, с ними хоть по душам поговорить можно, а у этих одни деньги на уме.

Помню, тогда я решил: совсем сбрендил старик, из ума выжил на болоте своём. Это сейчас мне понятно, что батя, как всегда, оказался прав, но для осознания простой истины потребовалось целых пять лет и дурная компания. Потому и сидел я в тот день, когда началась эта история, по уши в дерьме, причём, в прямом смысле слова, выжидая, когда ублюдки с нашивками клана «Чёрные волки» свалят с Пустошей.

Знал бы, что встречу с ними там, ни за что бы туда не пошёл за слюнными железами мохнатого слизня. Этих тварей и на отцовском болоте полно, да и в топях Туманной Долины они водятся в изобилии. Конечно, таких крупных, как здешние слизняки, там отродясь не было (следовательно, и железы у них сильно отличаются в размерах не в лучшую сторону), но целая шкура стоит дороже, чем несколько здоровенных, истекающих слизью комков.

Я вообще не понимаю, как эту липкую, дурно пахнущую гадость можно использовать. А ведь, говорят, эти железы в европах за большие деньги покупают парфюмерные компании. Вроде как в выделяемой железами слизняков субстанции содержатся особые вещества, из-за которых духи становятся поистине «долгоиграющими». А ещё ходят слухи, будто бы секрет этих желез – один из главных компонентов лекарства от рака.

Не знаю, правда это или нет, но учёные и торговцы предлагают хорошие деньги за эту дрянь, только вот желающих её добывать почти не находится. В основном, новички да лузеры всякие, мечтающие легко денег поднять, за это дело берутся, а матёрые сталкачи предпочитают с такими заказами не связываться. Слишком тонкие стенки у слюнных желез, а давление внутри – огого. Одно неверное движение, и они взрываются в руках, как бешеные огурцы. Вот и стоишь потом, весь с ног до головы в зелёной дряни измазанный. Ладно бы она отмывалась легко, так ведь фиг ещё ототрёшь, и воняет так, что метки скунса на её фоне – эталон благородных запахов.

Будь моя воля, я бы тоже не стал связываться с этой работёнкой. Мне гораздо проще сходить к центру Зоны и там набрать дорогих артефактов для продажи, но меня лично попросил принести ему железы профессор Шаров. Я не хотел ему отказывать и немедленно отправился на Пустоши.

Дело здесь не только в том, что Олег Иванович – лучший друг моего отца и один из моих учителей. Профессор всегда столько для меня делал и прикрывал мои идиотские выходки, что принести ему железы было моей святой обязанностью. Кроме того, с недавних пор я работаю в отделе снабжения его исследовательской лаборатории, так что, сами понимаете, заказ на ценные органы мохнатого слизня был завуалированным приказом непосредственного работодателя. А приказы, как известно, не обсуждают, их берут и выполняют.

Ладно, как бы там ни было, а проблему с «волками» надо было решать и желательно – без стрельбы. Ага, как же! Стоило подумать о мирном решении конфликта, как «волчары» тут же шмальнули по мне из автоматов. Пули громко зачавкали, вонзаясь в податливую землю пологого холма. Я вжался в покрытый жухлой травой склон. По плечам и голове забарабанили комки почвы и срезанные пулями ветки. Повезло, вовремя заметил бывших соратников и успел нырнуть за естественное укрытие в виде раскидистого ивняка. Замешкайся я хоть на чуть-чуть, и моё прошитое пулями тело лежало бы под этим же кустом, но только с той стороны холма.

– Эй, Купрум, выходи, надо поговорить! – долетел до меня приглушённый расстоянием и ветром хриплый бас Гонзы, правой руки главаря «волков» Дикого.

– Говори, мне и отсюда хорошо слышно! – крикнул я и замер, прислушиваясь к каждому звуку. Лишённый визуальной информации (густой кустарник не только надёжно закрывал меня от врагов, но и мешал следить за ними), я надеялся вычислить их передвижения по звяканью амуниции, шороху травы и чваканью воды под ногами. Мне казалось, «волки» не сидят на месте и уже давно двинули в обход скромной возвышенности, чтобы забрать то, что, по их мнению, принадлежит им по праву.

Когда-то я был вместе с ними и считался одним из лучших, если не самым лучшим. А попал я к ним по собственной дурости. Просто, как и любому подростку, мне захотелось свободы. Надоело выслушивать нравоучения отца, жить с ним на болоте и вместо людей общаться с тварями.

Помню, в тот день я завёл с отцом серьёзный разговор, объяснил, чего хочу и чем вообще планирую заниматься по жизни. Он, когда узнал о моём решении стать сталкером (можно подумать, у нас тут выбор есть), пришёл в такую ярость, что я думал, дому трындец придёт, так сильно он швырял в стены всё, что под руку попадалось. Даже любимым чайником в угол так засветил, что у

посудины носик набок свернуло и вплотную прижало ручку к горловине.

Подобное проявление несогласия с принятым решением меня, естественно, не остановило. А потому я собрал пожитки – зубную пасту, щётку, две пары носков, две смены белья, немного денег, выменянных на артефакты тайком от отца, армейский компас и старый «макаров» с запасной обоймой (их мне, десятилетнему, подарил вылеченный батяней капитан) – и, не говоря ни слова на прощание, ушёл из дома, сильно хлопнув дверью.

Это сейчас мне с высоты своих двадцати с хвостиком стыдно за своё поведение, а тогда я считал, что поступаю правильно, вырвавшись из-под чрезмерной опеки отца. На самом деле он просто хотел уберечь меня от преждевременных неприятностей, дать время набраться физических и нравственных сил, научить кое-какой житейской премудрости и уже потом отпустить на вольные хлеба.

Едва я оказался на свободе, сразу встал вопрос: куда идти? Со слов нечастых отцовских гостей я знал, что в Зоне есть так называемые лагеря сталкеров, и даже имел примерное представление об их местонахождении.

Сориентировавшись по компасу, я взял направление на один из таких лагерей с душевным названием «Светлый» и двинул в путь, правда, пришёл не туда, куда хотел, а на тренировочную базу «Чёрных волков». Они как раз новых бойцов к себе в клан набирали, ну и меня в штат зачислили. Я особо и не сопротивлялся, мне тогда без разницы было, с кем по Зоне за хабаром ходить – разумеется, если это не бандиты и не фанатики.

«Чёрные волки», на мой взгляд, ни к тем, ни к другим отношения не имели. Разве будут мародёры делать себе базу по всем правилам военного искусства: бетонный забор с тремя рядами колючки поверх, бронированные ворота, пулемётные вышки через каждые пятьдесят метров, мощные прожекторы? Фанатики, может, и сварганили бы что-нибудь подобное, но они обитали в районе ЧАЭС и никак не могли обосноваться так далеко от сердца Зоны.

К сожалению, я слишком поздно узнал, с кем свела меня судьба. Оказалось, что «Чёрные волки» – это детище транснациональной корпорации «Аврора». В погоне за сверхприбылями акулы бизнеса использовали добытые в Зоне артефакты и представляющие ценность части мутантов для производства оружия и средств индивидуальной защиты – вроде тех же бронекостюмов, шлемов, противогазов и обуви.

Например, при изготовлении комбинезона «Титан» используются не только кевлар и полимерные ткани, но и обработанная вытяжкой из «кислотной колбы» шкура большенога. Именно поэтому по пулестойкости, способности выдерживать близкие разрывы гранат и взрывы противопехотных мин «Титан» мало чем уступает экзоскелету, а по защите от аномальных воздействий превосходит легендарный костюм «Нева». Даже изрядно потрёпанный временем и Зоной «Титан» стоит больших денег, но, по вполне понятным причинам, пользуется у сталкеров популярностью, чего уж говорить о новом костюме. Говорят, его стоимость зашкаливает за двадцать тыщ баксов.

Удивляться тут нечему: «кислотная колба» – редчайший артефакт, образуется в аномалии «шипучка» при воздействии на неё высоких температур, давления и электрического тока. Грозы в Зоне – распространённое явление, но поскольку молниям нельзя приказать, куда они должны ударить, иной раз приходится годами ждать попадания в нужное место. «Кислотную колбу» пробовали создать в лабораториях, но на выходе всегда получался эрзац-продукт, во всём уступающий по своим свойствам оригиналу.

Предприимчивые дельцы из «Авроры» и ему нашли применение, используя суррогат для производства дешёвых комбезов «Юнит-1» и «Юнит-2» с посредственной защитой от пуль и осколков и почти полным отсутствием способности уберечь их владельца от аномального воздействия Зоны. Этот шлак они по госконтрактам поставляли силам особого реагирования ООН и охраняющим периметр военным.

Об этих костюмах и всевозможных видах улучшенного посредством артефактов оружия я узнал во время службы на «Чёрных волков». Помимо этого, мне стало известно и о неприглядной стороне клана. Гонясь за вознаграждением от спонсоров, «волки» шли на всё вплоть до подлогов, воровства, убийства честных сталкеров и равных себе ради ценного и не очень хабара. Погоня за золотом стала для них целью и смыслом жизни. В этом плане они не только сравнялись с отщепенцами Зоны – бандитами, но даже превзошли их, применяя изощрённые способы пыток и демонстративные казни на камеру, с целью запугать обычных охотников за артефактами. Таким необычным образом «Чёрные волки» надеялись склонить простых сталкеров к выгодному для себя сотрудничеству: жизнь и мизерное вознаграждение в обмен на добычу.

Кураторы «Чёрных волков» из «Авроры» не только не осуждали радикальные способы ведения бизнеса, а, напротив, всячески поддерживали насилие, вводя

дополнительные бонусы за изощрённые способы убийств. Кроме того, они способствовали продвижению в глобальной сети роликов с запечатлёнными на видео казнями и съёмками боевых столкновений с другими кланами, военными сталкерами, армейцами и силами ООН. Каждый такой ролик сопровождался призывами вступить в ряды группировки с обещанием золотых гор, ультрасовременного оружия и обмундирования.

Эти ролики я сам видел, когда завернул в резиденцию к Дикому за новым заданием. Главаря на месте не оказалось, зато на столе стоял его включённый ноутбук. Любопытный от природы, я заглянул в компьютер, где и узнал неприглядную правду о «волках».

Я решил свалить из клана куда подальше, но перед этим задумал выкрасть его талисман – артефакт «сердце демона», как называл его Дикий, – и отнести учёным для изучения. Так-то было бы лучше уничтожить его, но я не знал, как это сделать наверняка. Бросить «сердце» в аномалию – не выход, а утопить в болоте – вообще не вариант.

Забрать артефакт оказалось не так и сложно. Дикий поместил его под колпак из бронестекла и выставил в штабном доме на всеобщее обозрение. Чёрный, с похожими на кровеносные сосуды красными прожилками, он и в самом деле по форме напоминал сердце и как будто светился изнутри.

Естественно, артефакт всегда охранял кто-нибудь из личной гвардии главаря клана. Я дождался ночи, когда на вахту заступит мой давний знакомец Шира, и провернул задуманную операцию.

Под предлогом желанной встречи я угостил его заранее припасённым пивом (у меня было с собой четыре упаковки по шесть пол-литровых жестянок), а когда он отправился на улицу слить балласт, вскрыл новую банку и всыпал внутрь сильнодействующее снотворное. Шира вернулся на свой пост с выражением неопишуемого блаженства на лице, принял подготовленное угощение из моих рук, а в скором времени уже тихо посапывал носом, сидя на полу рядом с вверенной под его охрану тумбой с артефактом.

Шира заслужил подобной подставы. Мы с ним вместе влились в клан и даже сдружились за время удачных ходок в Зону. Это уже после того, как он сбежал, оставив меня один на один против семейки сушильщиков, я начал бродить за

хабаром в одиночку. Какой смысл в напарнике, если он может свалить в самый ответственный момент?

Когда я вернулся на базу «волков», у него глаза были размером с апельсин. Он сразу же начал извиняться, всё ходил за мной и бубнил: мол, думал тогда, будто я уже не жилец, потому и дал дёру, не пытаюсь спасти меня.

Там и в самом деле ситуация была аховая: сушильщики напали разом с трёх сторон. Повезло, что это были всего лишь первогодки с престарелым самцом во главе. Наверное, дедушка вывел внуков свежим воздухом подышать да красотами постапокалиптического пейзажа полюбоваться, а я им, понимаешь, помешал получать эстетическое удовольствие. Шучу, конечно, просто так совпало. Видимо, не пришло в тот день ещё моё время идти в край вечного лета и бесконечного хабара. Будь там три взрослых особи, я бы сейчас не прятался за кустами от помощников Дикого.

Зато в ту ночь я считал себя вполне счастливым, с лихвой заплатив Шире по счетам и лишив слетевший с катушек клан главного символа их удачи и везения. Дикий до такой степени промыл «Чёрным волкам» мозги, что они на самом деле уверовали в некую мистическую силу «сердца» и стали на полном серьёзе считать, что этот артефакт – их талисман. Двинулись на всю голову, как и фанатики Монуumenta. Хотя последние по сравнению с ними – вообще святые: они за идею борются, верны своим идеалам и убивают лишь тех, кто пытается пробраться к их скрытому в недрах Саркофага божеству, а не всех без разбора.

Как только «сердце» оказалось у меня, я дал из лагеря дёру и к утру уже был далеко от логова «Чёрных волков». Ночью вообще-то не принято бродить по Зоне, если не хочешь попасть мутантам на зубок или угодить в аномалии, но выбора не было. Ночная прогулка завершилась без проблем, если не считать пары стычек со «слепышами» и семейством пучеглазок.

Наверное, Тёмный Сталкер решил, что я делаю нужное дело, раз ловушки вообще не встретились мне на пути, а собаки оказались без предводителя. Хватило половины рожка, чтобы их разогнать. Даже убивать никого не пришлось.

С пучеглазками вышла практически та же история, с той лишь разницей, что я на них не извёл вообще ни одного патрона. Мутосвиньи с истерическим визгом

бросились врассыпную, когда я, треща сломанными ветками, выбрался из кустов на залитое лунным светом поле. Они обгладывали труп какого-то бедняги и, наверное, со страху приняли меня за крупного мутанта, потому и поспешили скрыться бегством.

Как только солнце поднялось над горизонтом, я увидел вдалеке утопающие в островках зелени крыши домов. Примерно час ушёл на то, чтобы добраться до заброшенной деревни. Ещё минут десять я пролежал в кустах, изо всех сил борясь с навалившейся внезапно дремотой. Я старательно вглядывался в тёмные провалы окон и прислушивался к тоскливым завываниям гуляющего сквозь пробоины в крышах ветра. На моё счастье, полуразрушенные дома никто из людей не облюбовал, а мутняки шастали где-то по своим делам, минуя деревню.

Я выбрал дом с более-менее целой крышей и со стёклами в окнах (мало ли – дождь пойдёт, так хотя бы не промокну), проверил его на отсутствие аномалий и, даже не перекусив, свернулся калачиком в углу в обнимку с автоматом. Перед сном я благоразумно отключил ПДА, чтобы случайно не засветиться на мини-компах преследователей. (В том, что Дикий сразу пустит за мной погоню, я нисколько не сомневался.)

На сон ушло почти шесть часов. После короткого перекуса я спорол с рукава эмблему – чёрный силуэт воющего волка на фоне красного круга, – потому что не хотел себя больше ассоциировать с группировкой мародёров и убийц. Кроме того, это была необходимая предосторожность. Никто не мог гарантировать, что первый встречный сталкер не пристрелит меня как собаку, заметив «чёрную метку» на рукаве.

Ближе к вечеру, когда до научной базы, где работал профессор Шаров, оставались считанные километры, грянул пси-шторм. Он начался неожиданно, без привычных для такого явления сопутствующих признаков вроде красного неба и глухого далёкого рокота, напоминающего гром. Времени на то, чтобы искать подходящее укрытие, не было, и мне пришлось довольствоваться тем, что есть под рукой.

В наличии оказался полуразрушенный дом с частично заваленным всяким хламом подвалом. Большая часть половиц давным-давно сгнила, их обломки валялись на земле вперемешку с нанесённым ветром мусором.

Эти подробности я разглядел гораздо позже, когда выброс уже миновал. Хотя, если быть предельно точным, я видел их и раньше, когда прятался от буйства Зоны, только напрочь забыл, как и всё то, что было в моей жизни до этого дня. Ничего странного в этом нет. Практически в чистом поле пережить выброс и не ощутить на себе последствий – так только в сказках бывает. Хорошо хоть мозги не совсем повредились, а то было бы сейчас на одного зомби больше.

Потом-то я, конечно, многое вспомнил, в том числе и то, что когда-то хотел добраться до лагеря ученых и отнести им украденный у «волков» артефакт, правда, ушло на это два с лишним года. Я их отлично провёл в «Светлом», куда так давно стремился попасть.

В сталкерский лагерь меня привёл смуглолицый парень, внешне похожий на цыгана. Он нашёл меня в том злополучном... тьфу-тьфу-тьфу, счастливом, конечно же, подвале по сигналу моего ПДА (я включил его незадолго до начала выброса, полагая, что уже далеко оторвался от возможных преследователей) и вернул в чувство серией энергичных шлепков по щекам.

– Серьга, – представился сталкер, протянув мне руку. Болтающийся под его правым ухом золотой крестик сверкнул в лучах заходящего солнца, словно намекая на происхождение погоняла.

В «Светлом» я сразу пришёлся ко двору и стал своим парнем для хозяина «Касты» Бобра и коменданта лагеря Степаныча. Оба старика полюбили меня, как сына. Я им платил взаимностью: Степанычу помогал вести дела в лагере, а для бармена таскал из Зоны ценные арты и сопровождал караваны с добром от периметра к лагерю и обратно.

С Серьгой тоже сдружились не по-детски. Всегда и везде ходили вдвоём, как знаменитые Химик и Пригоршня, ну или как Комбат и Тополь. Эти сталкеры – настоящие легенды Зоны. Не знаю, что в историях про них правда, а что вымысел, но жизнь у парней – закачаешься. Наши с Серьгой приключения на их фоне выглядели безобидной вознёй в песочнице.

Жаль только, недолго длилась наша дружба. Пропал парень почём зря, а во всём, как обычно, виновата женщина. Бобр давно говорил, что у него есть внучка-красавица: высокая, стройная, ноги от ушей. Ну, про ноги это я Серьге ляпнул, когда Бобр в очередной раз старую песню завёл, что, мол, вот-вот

внучка приедет деда проведать. Знал бы тогда, что прямо в яблочко попаду, рот бы себе зашил, ведь Бобр столько раз этой басней всех нас кормил, что мы ему и не верили уже, а добродушно подтрунивали над стариком, ну и фантазировали о красоте. Не знаю, о чём уж там Серьга мечтал, а я в своих грёзах с родственницей бармена в Зону за артефактами ходил.

В общем, дождался Бобр красавицы своей, а вместе с ним и Серьга. Он как Лизку увидел, так и обмяк сразу, что медуза твоя. Вместе с ним на девушку положили глаз все сталкачи. Бобр, как заметил с их стороны излишнее внимание к внучке, достал из-под прилавка дробовик и недвусмысленно намекнул, что отстрелит хозяйство любому, кто позарится на его любимицу.

Лиза тоже себя грамотно повела: ни с кем не кокетничала, держалась отстранённо, словно Снежная Королева. Ну, мужики и забили на неё: какой смысл к недотроге подкатывать, да ещё с таким дедом в защитничках. Только Серьга не внял голосу разума в моём лице. Уж как я его ни отговаривал, а он всё одно каждый день твердил: «Сил нет, как люблю, либо моей будет, либо я к Тёмному Сталкеру уйду». И ведь ушёл бы в Зону и сгинул там, если б Лиза в один прекрасный день не уступила. Видимо, дрогнуло девичье сердце от ухаживаний Серьги.

Начали они встречаться тайком от деда и довстречались до того, что недели через две, по моим подсчётам, он уже прадедом станет. Бобр как узнал, что Серьга его Лизку обрюхатил, разошёлся не на шутку. Я в тот день как раз в «Светлом» был (мы тогда с Серьгой вдвоём уже в Зону не ходили, он всё время с пассивной своей проводил), думал, Бобр сгоряча весь бар разнесёт. Да уж, столько бутылок, кружек и стаканов за раз при мне в «Касте» ещё никогда не били.

В общем, закончилось всё плохо для Серьги. Сталкачи по приказу Степаныча вломились к нему в дом, выдернули парня из кровати, напугав Лизку до полубоморока, и потащили на центральную площадь «Светлого» для справедливого суда. Ладно хоть штаны дали надеть да куртку на плечи накинуть, а то приволокли бы Серьгу в чём мать родила, вот сраму-то было бы.

Сталкерский суд короткий: смысл демагогию разводить, когда все улики налицо. Нет у этого суда ни адвокатов, ни прокуроров. Бобр, как представитель потерпевшей стороны, сказал, что он обо всём этом думает, и попросил судью, Степаныча, значит, вынести суровый, но справедливый приговор. Комендант даже слова Серьге не дал, пальнул из «макарова» в воздух, типа молоточком по

столу стукнул, и вынес вердикт: женить стервеца немедленно.

Свадьбу сыграли в тот же день, а через неделю Серьга с молодой женой отбыл за пределы Периметра. Дед, значицца, настоял на том, чтобы внучка вынашивала его правнука вдали от территории отчуждения. Серьга поначалу противился: мол, хочу здесь с Лизкой остаться, но Бобр пригрозил достать дробовик и в этот раз стопудово привести угрозу в исполнение. Так и отбыл мой кореш на Большую землю.

Поначалу мы изредка перезванивались, но потом как-то Лиза взяла трубку (Серьга в это время в магазин за продуктами отчалил).

– Не звони больше сюда, Купрум, – сказала она с лёгкой хрипотцой в голосе. – Серьге больно. Всякий раз после твоих звонков он целую неделю как потерянный ходит. Только-только в себя придёт, а ты опять звонишь. Отпусти его, не тяни за собой. Договорились?

Что я мог ей на это сказать? Естественно, я пообещал не звонить, а для себя решил, что Серьга погиб, так мне легче было принять его исчезновение из моей жизни.

С тех пор, как Серьга ушёл из лагеря, память о прошлом стала возвращаться ко мне. Не знаю, в чём тут дело. Может, просто время пришло, а может, потеря лучшего друга стала спусковым крючком. Какая разница, главное, процесс пошёл, и я вспомнил о «сердце» и о своём намерении отдать его учёным.

Кстати, когда я пришёл в себя в том подвале, артефакта при мне не было. Это я тоже вспомнил совсем недавно. Серьга его не брал, я уверен в этом на все двести процентов. Он обязательно бы отдал мне артефакт, когда мы стали с ним не разлей вода. Значит, с «сердцем» что-то случилось во время выброса, или его взял кто-то другой, кто нашёл меня до того, как это сделал Серьга.

Как бы там ни было, в «Светлом», где всё напоминало о друге, мне больше делать было нечего, и я решил всё-таки дойти до лагеря учёных.

Профессор обрадовался мне, как родному, хотел сразу сообщить отцу, что я нашёлся, но я попросил его не писать сообщение:

– Хочу сам заглянуть к нему. Соскучился.

– И то верно, – кивнул ученый и начал расспрашивать, где я пропадал и чем занимался всё это время.

Я всё рассказал ему без утайки и в конце долгой исповеди почувствовал огромное облегчение, будто камень свалился с души. Профессор не стал читать мне нотации, он лишь посоветовал держать язык за зубами и ничего не говорить отцу.

– Пусть это будет нашей тайной, – сказал он и добавил, что скоро от «Чёрных волков» ничего не останется.

Я попробовал узнать, с чего он это взял, но Олег Иванович сослался на секретность информации и перевёл разговор в другое русло. Он предложил мне устроиться к нему на работу.

Так я и сделал. Теперь я сталкер отряда снабжения исследовательской лаборатории профессора Шарова. Занимаюсь любимым делом: добываю для умников всякие артефакты и нужные для исследований органы мутантов.

Глава 5

Неожиданное спасение

Жизнь любого сталкера состоит из коротких перерывов на отдых, пополнения запасов провианта, боекомплекта и долгих походов в Зону за хабаром. Моя тоже не была исключением, потому я и оказался на Пустошах. Но вот каким ветром туда занесло Гонзу с подельниками?

Спустя месяц после судьбоносного разговора с профессором я узнал, что он имел в виду, говоря о незавидной судьбе «Чёрных волков». Отдохнув три недели в отцовских владениях, я вернулся на исследовательскую базу, где все взахлёб обсуждали массированную атаку миротворцев на лагерь Дикого и его шайки. Американцы, а именно они составляют костяк Ограниченного контингента ООН в

Зоне, никогда не умели воевать по-тихому. При поддержке десятка бронетранспортёров, такого же числа вооружённых гранатомётами и крупнокалиберными пулемётами «хаммеров» и десятка штурмовых вертолётот, они всей массой обрушились на базу «волков», разнеся её вдрабадан.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

См. роман «Тёмный пульсар».

2

Эти события подробно описаны в романе «Тени прошлого».

Купить: https://telnovel.me/ru/ponomarev_aleksandr/likvidator-terrakotovoe-plamya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)